

The background of the cover is a dramatic illustration. A woman with long, dark, flowing hair is seen from behind, wearing a dark, long-sleeved dress. She stands in a dark, debris-strewn area, looking towards a large, intense fire that consumes a building in the background. The fire is bright orange and yellow, with thick smoke rising. The overall mood is one of horror and tragedy.

КЛЕЙМО ДЬЯВОЛА

ОНИ ИДУТ РЯДОМ:
СТРАХ И БОЛЬ

ЕЛЕНА НОВИКОВА

Елена Александровна Новикова
Клеймо дьявола
Серия «Разрыв шаблона. Детектив
с шокирующим финалом»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68730756

*Клеймо дьявола:
ISBN 978-5-04-180058-1*

Аннотация

В небольшом районном центре Озерки происходит несколько жестоких серийных убийств. В качестве жертв маньяк выбирает только девушек. Следы пыток и издевательств вводят в ступор даже выдавших виды оперов: тело каждой жертвы убийца прижигает раскаленной вилкой, оставляя на коже своеобразное «клеймо дьявола».

Местная журналистка Лина Журавлёва, пишущая на криминальные темы, пытается прорваться к майору Парфенову, старшему опергруппы. Но у полиции стойкая неприязнь к журналистке, ее принципиально игнорируют и не хотят выслушать. Девушке ничего не остается, как обнажить спину перед майором.

К своему ужасу Парфенов видит ожог в виде четырех полосок – точно такой же, как и у девушек, убитых маньяком. И Лина

рассказывает майору страшную семейную тайну, как в детстве над ней издевались родители и пытали ее раскаленной вилкой.

Значит ли это, что маньяк известен?!

Но история оказалась страшнее и таинственней. Родители Лины при странных обстоятельствах заживо сгорели в собственном доме много лет назад...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	39
Глава 4	68
Глава 5	88
Конец ознакомительного фрагмента.	111

**Елена Александровна
Новикова
Клеймо дьявола**

© Новикова Е.А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

– Не думала, что ты на такое способен.

– У меня для тебя полно сюрпризов!

Девушка улыбнулась. Не то чтобы ей сильно нравился кавалер, но его слова, будто написанные сценаристом какого-нибудь сериала, цепляли. Ей хотелось пусть на пару часов представить себя героиней слезливой мелодрамы, в конце которой обязательно настанет хеппи-энд со свадьбой, богатым загородным домом и парой детишек.

А пока – задернутые шторы, включенный ночник, тихая музыка и расправленная кровать. Он наливает недорогое вино в высокий бокал и подает ей, улыбаясь так загадочно и многообещающе. Кто бы мог подумать? Она улыбается в ответ.

И все это игра. Игра в любовь, потому что ту сумму, которую она с него взяла за свидание, нельзя всерьез считать платой за услуги. С обычных клиентов можно взять и в два раза больше.

– Ложись на живот, – говорит он, покручивая в руке поясок от ее шелкового халатика.

– Как скажешь, милый.

Она медленно поворачивается, позволяя ему любоваться изгибами молодого сильного тела. О, она прекрасно знает, как это действует на мужчин! Это стоит того, чтобы не

есть после шести, да и вообще ограничивать себя в калориях. Чуть приподняв округлые ягодицы, она смотрит на него через плечо.

– Ну? Тебе нравится?

– Очень, – жарко шепчет он, проводя горячей ладонью по ее спине.

Поясок крепко обвивает запястья, пробегает через обрешетку изголовья. Ее руки, вытянутые вперед, зафиксированы.

– Открой рот, – просит он.

– Шалун, – если бы могла, она погрозила бы пальчиком.

Алые от помады губы приоткрываются. Он грубо берет ее за подбородок и тянет вниз. Девушка чуть вскрикивает от неожиданности, мотает головой, но захват слишком сильный. Шарик-кляп из ее коллекции игрушек больно бьет по зубам, закрывая хозяйке рот. В глазах появляется тень страха.

Ей уже доводилось быть жертвой. Клиенты бывают разные, и запросы у них разные. Случаются и такие, кто не просто хочет потрахаться. Кому-то нужно унижить партнера, ударить, сделать больно. Но это все обговаривается заранее. И за это отдельная плата.

«Ну, придурок, только отвяжи меня!» – успевает подумать девушка, слыша, как защелкивается ремешок кляпа на ее затылке. Она смотрит на него вызывающе.

Он, все еще полностью одетый, стоит над кроватью, почти

с нежностью глядя на ее обнаженное распростертое перед ним тело. Красивое тело молодой женщины. Соблазнительное, податливое, полностью находящееся в его власти.

– Потерпи, скоро все закончится, – обещает он.

Из кармана джинсов мужчина вынимает пару резиновых медицинских перчаток. Она не может отвести глаз. Сердце начинает стучать так сильно, что кроме этого звука девушка уже ничего не слышит. Ее так пугают эти руки, затянутые в темно-синий латекс.

Он берет со стула ее футболку. Белая с розовым фламинго и пальмовым листом. Еще недавно он ласкал ее груди под этой футболкой, а сейчас резким движением разорвал ее на два куска.

«Что ты творишь!» – хотела крикнуть девушка, но получилось только мычание. Она трепыхалась, пытаясь освободиться, дергала изголовье кровати.

Педантично, сантиметр за сантиметром, он протирает куском футболки все, к чему прикасается в этом доме. Ручку двери, подлокотник кресла, выключатель торшера, спинку кровати.

«Больной ублюдок!» – она выворачивала голову, чтобы следить за его перемещениями. Больше всего это походило на то, что сейчас ее изнасилуют, выгребут все деньги и бросят связанную. И так она проваливается до тех пор, пока не вернется Маринка. А Маринка свалила со своим хахалем на дачу до воскресенья. То есть еще полтора дня. «Сука! Я тебя

урою!» – думала девушка.

– Ты готова? – почти нежно спросил он, подсаживаясь на кровать.

Она мотнула головой, когда он погладил ее по волосам. Мыча что-то грозное, девушка продолжала попытки освободить руки.

– Нет, так у нас ничего не получится, – он покачал головой. – Давай побыстрее начнем.

Он встал так, чтобы она его видела. Не торопясь и не сводя с нее взгляда, мужчина расстегнул ремень и вынул его из джинсов. Хороший кожаный ремень.

Она вздрогнула всем телом, когда кончик ремня, едва касаясь, прошелся вдоль ее спины от самого затылка до ягодиц. Это не было похоже ни на что, что она чувствовала раньше. Страх затопил ее. Дыхание участилось. Из-за кляпа казалось, что воздуха не хватает. Она давилась слюной и выступившими слезами.

«Пусть это все закончится», – просила девушка неизвестно кого.

Его улыбка приклеилась к губам. А в глазах не осталось ничего человеческого. Зажав пряжку в кулаке, он сделал виток вокруг ладони, крепче зажав ремень.

Внутренне она вся сжалась, продолжая извиваться на кровати. Сейчас последует удар. Неотвратимый. Сильный. Предчувствие боли. Она заскулила. По бедрам побежала горячая струйка мочи.

Кожа на спине вспухла красной полосой. Широкий рубец пролегал поперек лопаток, захватывая подреберье. Кляп подавил крик.

От боли потемнело в глазах. Дикий ужас перевернул сознание. Ее реальность мгновенно сжалась до полосы горящей от боли кожи.

Новый удар был таким же сильным. И это вовсе не было игрой.

Она, насколько позволили связанные руки, повернулась на бок. Защититься. Ответить обидчику. Она попыталась пнуть стоящего над ней мужчину. Но он легко перехватил ее ногу. Сильные пальцы сжались, оставляя следы на нежной коже.

– Нет, так дело не пойдет, – покачал головой мужчина.

Размахнувшись, он ударил снова, держа ее за ногу. Ремень проложил новую полосу боли, заканчивающуюся на промежности. И тут же последовал новый удар. И еще один. И следующий.

Зубы ломались о кляп. Кровь текла по губам и из носа. Спина превратилась в одну сплошную рану. Боль окружила плотным коконом.

А потом стало темно.

* * *

– Светка, я дома! Че у нас так воняет? – Маринка скинула

босоножки в прихожей.

В квартире было душно и воняло какой-то кислятиной. После дачи здесь была адская духота.

– Вот сучка, наверное, сама куда-то смылась и оставила жратву на столе. Идиотки кусок! – выругалась Маринка.

Девушка подхватила свою сумку и пошла в комнату. Вместо того чтобы залезть в ванну, придется сначала разгрести свинарник, который устроила подруга.

– Ну я тебе это припомню! – пообещала Маринка.

В комнате Светки горел ночник.

– Вот овца тупая! – крикнула Маринка, швырнув сумку через порог своей комнаты. – Нет, ну вот же дрянь! Сколько этот свет горит? Тупорезка! Хрен ей, а не коммуналка пополам!

Громко топая, девушка вошла в комнату подруги. Вонь здесь стояла особенно сильная. На кровати кто-то лежал, укрывшись одеялом с головой. Только маленькая аккуратная ступня наполовину высывалась из укрытия.

– Слышь, коза! Ты сколько вчера выпила?

Маринка безжалостно распахнула шторы, пуская в комнату яркий летний день. Она открыла форточку и с жадностью глотнула пусть и раскаленный, но свежий воздух.

– Вставай давай. – Маринка взялась за край одеяла и рванула его на себя.

– Где свидетельница? – спросил майор Парфенов участкового, который первым прибыл в квартиру.

– Если блевать закончила, то на кухне, – кивнул участковый Смирнов.

– Что, прям так хреново все?

– Ну загляни, если хочешь, – пожал плечами Смирнов. – Мне второй раз смотреть не хочется.

– Ладно, там наши поднимаются, встречай.

Майор протиснулся мимо понятых – соседей из квартиры напротив. На кухне сидела бледная девушка с размазанной по щекам тушью и мокрыми волосами.

– Здравствуйте. Майор Парфенов Кирилл Андреевич, – представился оперативник.

– Здравсте.

Парфенов присел за стол напротив Маринки. Девушка выглядела потрясенной, но вполне адекватной.

– Как вас зовут?

– Маринка. Ну, Марина Иванцова.

– Хорошо. Марина, расскажите, как вы нашли тело? Это ваша подруга?

Девушка кивнула, машинально повернув голову в сторону комнаты с трупом. Рвотный позыв согнул ее пополам. Прикрывая рот ладошкой, она сорвалась и скрылась в туалете.

– Нда. – Парфенов провел ладонью по коротко стриженным волосам.

– Шеф, мы на месте. – В кухне показался старший лейтенант Гриша Город.

– Игнатъич приступил?

– Да.

– Ну тогда бери с собой Федю и по соседям пройдитеесь. И Смирнова прихвати. Пока предварительно узнайте, кто что видел-слышал. Вообще все, что смогут рассказать. Потом сюда, и еще разок с уточнениями пройдете.

– Все ок, шеф.

– Гриш, – позвал Парфенов исчезнувшего лейтенанта.

– Я! – Тот снова заглянул в кухню.

– Гриш, ты бы книжки начал читать, что ли. Ну Элочка Людоедка.

– А?

– Иди уже.

В узком коридорчике Город столкнулся с вышедшей из туалета Маринкой. Девушка, не обратив внимания на Гришу, прошаркала на кухню.

– Божечки, как хреново-то, – пожаловалась она.

– Сочувствую. Мы можем продолжать?

– Да. – Маринка достала из холодильника бутылку воды и сделала несколько жадных глотков.

– Итак, вы знали покойную?

– Да. – Девушка на секунду замерла, прислушиваясь к

ощущениям. – Это Светка Лопатина, мы учимся вместе. Ну и живем. Ну, то есть жили. Ну не то чтобы вместе, а хату эту снимали. Потому что цены – ваще жуть! А это еще и дыра на окраине...

– Понятно, – майор перебил Маринку. – Как вы нашли тело?

Девушка сжала бутылку до скрежета пластика. Парфенов уже был готов к тому, что она снова убежит, но Маринка глубоко вдохнула и отпила воды.

– Да я, короче, с дачи вернулась. А в хате вонища.

Запах стоял до сих пор, несмотря на открытое окно. Парфенов легко мог представить, какое амбре тут висело час назад, когда поступил вызов.

– Ну я подумала, что Светка опять закатила вечеринку и оставила остатки хавки на столе. Ну она это ваще могла сделать. Типа, потом уберу и все такое. А потом еще свет в ее комнате горел. Вы знаете, сколько за этот долбаный свет надо платить? А денег в этом месяце че-то ваще мало получилось! Блин! Как я теперь все это перекрою?

– Марина, вы вернулись с дачи, и что потом? – Кирилл не собирался разговаривать про коммунальные услуги и их оплату.

– Ну и ничего, – пожалала плечами девушка. – Смотрю, Светка на кровати валяется. Я думала, прибую ее. Одеядло сдернула, а там...

Маринка снова прижала ладошку к губам. На ее глазах

появились слезы.

– Марина, вы здесь посидите, передохните. Я к вам чуть позже нашего работника отправлю, и вы ему еще раз все подробно расскажете для протокола. Хорошо?

– Ага, – сказала через ладошку Маринка.

Парфенов оставил девушку на кухне и прошел в комнату, где трудился эксперт. Острый запах смерти ударил в ноздри.

На кровати на животе лежал обнаженный труп Светы Лопатиной. Кожа на спине была исполосована багряными рубцами. Кое-где проглядывали синюшные мышцы. Простыня под телом сбилась в грязный комок. Кровь пропитала матрас.

Несколько жирных мух носились под потолком.

– Пришлось закрыть форточку, – не отрываясь от работы, сказал эксперт.

– Что можешь сказать по делу?

– Сам видишь, множественные рваные раны, ссадины. – Игнатич рукой в перчатке осторожно, будто боясь сделать больно, провел вдоль одной борозды на спине Лопатиной. – У нее во рту кляп, такой, знаешь, жесткий резиновый шарик. Так она об него зубы передние сломала. Да...

– Причина смерти? Болевой шок?

– Не уверен, – помотал головой эксперт. – У нее на шее странгуляционная борозда присутствует. Но, возможно, душили уже труп. Тут, понимаешь, только вскрытие и исследование.

– Ясно. Изнасилование?

– Разрывы промежности присутствуют. Вот, посмотри сюда. – Эксперт чуть раздвинул ноги тела, давая разглядеть подробности.

– Игнатийч! – Внутри Парфенова все сжалось, и он быстро отвел глаза.

– Матерь Божья! – тихо прошептала понятая.

Глаза женщины закатились, и она кулем осела на пол.

– Галя! – Понятой принялся тормозить супругу.

– Сейчас, сейчас. – Эксперт указал на свой чемоданчик. – Кирюша, там флакончик с нашатырем. Дай подышать.

Майор и сам был не прочь понюхать аммиак, чтобы про-
чистить мысли.

– Что по времени смерти? – Парфенов откупорил пузырек и поднес его к лицу женщины.

– Тело долго пролежало в запертой комнате. Жара стоит уже неделю. Так что сказать довольно сложно. Но как минимум два-три дня.

* * *

– Гриша, может, ты вернешься к нам? – Парфенов скатал бумажный комок из черновика и швырнул его через кабинет.

– Я тут. – Старший лейтенант на лету отбил комок.

– Ну ты даешь! – присвистнул Федя Егоров.

Город отложил смартфон, в который таращился с самого

начала совещания. Сложив руки, как примерный школьник, Гриша уставился на шефа.

– Итак, что выяснили?

– Да как обычно, шеф. – Федя краем глаза глянул в потрепанный блокнот. – Никто ничего особенного не видел. Ни три дня назад, ни два. Посторонние к Лопатиной и Иванцовой ходят часто. В основном мужчины.

– Проститутки они, – вставил Гриша. – Мне так бабка-соседка сказала, которая над ними живет.

– Подтверждения есть?

– Ой, шеф, для бабок мы все наркоманы и проститутки.

– Чур, я наркоман! – заржал Егоров.

– Я запомню, – кивнул ему Кирилл. – А пока собирайся и дуй в институт, где училась Лопатина. Характеристики, как училась, с кем дружила, с кем не дружила. По ее контактам из телефона тоже нужно отработать. Особое внимание последним вызовам.

– Там тех контактов овер километр, – вздохнул Гриша.

– Вот ты ими и займешься, все равно целыми днями торчишь в своем телефоне.

– Так то в своем, – прошептал Гриша.

– Не понял? – Парфенов поднял одну бровь.

– Так точно, шеф! – Город вскочил со стула, вскидывая ладонь к голове.

– Клоун, – резюмировал Парфенов. – Выполняйте.

– Парфенов, ты себе что думаешь? – Телефонная трубка орала голосом следователя Копылова.

– В каком смысле, Павел Иванович? – Думал о себе Парфенов на самом деле много чего, но не то чтобы это касалось следователя.

– Почему ко мне приходит журналистка и выспрашивает подробности дела Лопатиной? Причем так хорошо выспрашивает, с подробностями и знанием предмета.

– Я извиняюсь, конечно, – начал заводится майор, – но ко мне какие претензии?

– А я тебе расскажу! Кто на место приехал раньше? Ты и твои соколики. Кто мог сделать фотографии места преступления в таких подробностях? Кто, кроме своих? Я приехал после вас, и в комнате было не протолкнуться от людей. Никак нельзя было сделать такие фотографии, чтобы никто в кадр не попал.

– Да какие фотографии?

– А такие! Благо там не все подробности. Журналистка мне их на своем телефоне показывала. Просила прокомментировать. Желала из первых рук все разузнать. Откуда, я тебя спрашиваю, утечка?

– Мои не могли.

– Не могли! – эхом отозвался следователь. – Ты на сайт

«Огней» зайди и полюбуешься. И своим передай, что если я узнаю, кто слил информацию...

– Разберемся. – Майор, не дослушав, повесил трубку.

* * *

– «Сво-бо-да сло-ва», – по слогам отчеканила Лина. – Надеюсь, у вас хватает образования, чтобы понимать значение этого выражения, товарищ майор Парфенов?

– Не сомневайтесь! А у вас хватает образования понимать, что есть тайна следствия?

– Люди должны знать, что происходит в городе, в котором они живут.

– И, по-вашему, это нужно делать таким способом?

– Каким «таким»?

Лина сидела в своем крохотном кабинетике, отделенном от остального офиса тонкими стенами из гипсокартона. На мониторе красовалась ее самая свежая статья, из-за которой и начался этот эмоциональный разговор с Парфеновым. Сама того не осознавая, женщина сжимала телефон так крепко, что костяшки ее пальцев побелели от напряжения.

– Каким «таким»? – повторила она вопрос. – Или вы считаете, что можете все скрыть от общественности?

– Это себя вы причисляете к общественности? Вы же стервятники...

– О! Какое небанальное сравнение! Браво!

– Все, что вас интересует, не люди и не их безопасность, – продолжал Кирилл, не реагируя на выпад. – Вам нужен хайп и репосты.

– Надо же, вы, оказывается, в теме. Даже слова кое-какие выучили.

– Не старайтесь быть хуже, чем вы есть, Лина.

– Куда уж мне?

Разговор зашел в тупик. Парфенову, в принципе, статья понравилась. Как человеку. Цеплял легкий слог, становилось жаль убитую Лопатину. Где-то внутри сжимался комок от увиденных фотографий обезображенного тела, пусть и заретушированных. Но как полицейский он негодовал. Какая-то фифа умудрилась заполучить фотографии и разместить на всеобщее обозрение. И задает в своей статейке каверзные вопросы, обращаясь, между прочим, и к нему.

– Я не хочу с вами ругаться, но мне нужен ваш источник.

– Я тоже не хочу с вами ругаться, поэтому источник я вам не сдам.

– Господи, какая бессмыслица, – простонал майор Парфенов.

– Не люблю карусели. Меня на них укачивает. И этот разговор – такая вот каруселька. Поэтому, если вы не собираетесь мне дать интервью, давайте прощаться.

Злясь на себя, на то, что действительно нашел на сайте телефон Лины Журавлевой и позвонил ей, Парфенов молча отключился. Ясно же было, что журналистка никогда не

сдаст своего информатора. Зато он выставил себя полным идиотом. И зачем, спрашивается?

– Алло? – Лина отняла телефон от уха и посмотрела на потемневший экран. – Ну и ладно.

Войдя в мессенджер, Лина нашла контакт ГринСити и отправила сообщение: «Танкс за инфу! С меня простав». Своих информаторов нужно любить и всячески баловать, это она поняла еще в самый первый год работы.

* * *

– Линка, тебя босс, – в кабинетик сунулась Вика и тут же убежала по своим делам.

Вызов к боссу – это всегда лотерея. Каждый в «Огнях» знал, что Игорь Семенович мог с легкостью наорать за просмотренную ошибку в тексте и с такой же легкостью выписать премию. И никогда не было понятно заранее по его круглому лицу, что ждет дальше.

– Молодец, Журавлева! – сказал Игорь Семенович. – Хорошо ментов прижучила! Мне уже звонили и на тебя жаловались, что ты фотки слила. Молодец!

– Стараюсь, – кивнула Лина.

– Там просмотры у нас зашкаливают, комменты и репосты. Мне уже статистику кинули на твою статью. По рейтингам прям хорошо идешь.

– Спасибо.

– Че, кого-то в ментовке подцепила? Да ты не парься, я ж не осуждаю. Наоборот, хвалю. Материал выдала вон какой! Ты это, давай, додавливай. Пока тема горячая, виси на ментах. Все, что узнаешь, сразу в ленту.

– Поняла.

– Ну все, давай, иди работай. Если твой материал за сутки наберет еще сотню тысяч просмотров, подумаю про премию.

Глава 2

Маленькая квартира в большом городе. Пусть не центр, пусть не престижный район, пусть в соседях не медийная личность, а дядя Саша с завода. И под подъездом не секьюрити и шлагбаум, а бабки днем и гопота вечером.

Зато это своя маленькая квартира в большом городе. Купленная за баснословные деньги для девочки из провинции, которая бежала из родной деревни куда глаза глядят. Достижение, о котором многие только мечтают, Лина Журавлева получила благодаря тому, что хваталась за любую работу. Съемка на свадьбе – хорошо, фотосет для знакомых и знакомых тех знакомых – отлично! Мыть пол? Нет вопросов! Любая копейка откладывалась.

Маленькая своя квартира. Лина каждый раз радовалась, что у нее есть куда вернуться после рабочего дня, во сколько бы он ни заканчивался. Здесь можно сбросить туфли, снять надоевший лифчик и ходить в застиранном халате. Это настоящий дом.

– А ты че так поздно? – Из комнаты ее вышел встречать Славик.

– Разве? – Лина мельком глянула на настенные часы.

– Я вообще-то голодный сажу. Думал, ты придешь пригостишь.

– Там пельмени в холодильнике. – Босоножки полетели в

тумбочку.

Лина прислонилась спиной к стене, правая ступня болела. Видимо, натерла мозоль.

– Сколько можно их жрать? – надул губы Славик.

– Сейчас посмотрю, что еще есть. – Женщина подхватила сумку с ноутбуком и подошла к мужчине.

Славик был хорош. Слегка наметившийся живот его не портил, а скорее придавал уютный домашний вид. Ей нравилось гладить его по непослушным кудрям, будто большого кота. И еще Славик очень хорошо целовался.

– Уже не надо, я заказал пиццу.

– Отлично! С чем? Грибы или колбаса?

– Грибы.

Они стояли в дверном проеме комнаты так близко друг к другу, что Лина могла чувствовать кожей его дыхание. Она провела пальцами по его щеке.

– Посмотрим сериальчик под пиццу или сначала полежим? – игриво спросила она.

– Пиццы нет. – Славик чуть повернул лицо, чтобы не чувствовать ее пальцы на себе.

– В смысле?

– Я тебе говорил, что был голодный. Заказал пиццу и съел. Я же не знал, во сколько ты соизволишь явиться на этот раз. Может, вообще заночуешь в своем офисе!

Лина отстранилась. Претензии любовника больно кольнули. Да, в них была доля правды. Она могла забыть о време-

ни, когда работала. Могла сорваться на интервью в другой город, не оставив даже сообщения. Но ведь она всегда знала, что есть Славик, что есть их жизнь. Знала, что, когда придет домой, он будет здесь. Такой мягкий, такой теплый.

– Зачем ты так?

– Как?

– Как будто не знаешь, что я работаю.

– Я тоже работаю! – с вызовом сказал Славик, складывая руки на груди. – И не меньше, чем ты. Сейчас вообще можно работать не выходя из дома.

– Только не журналистом, – возразила Лина. – Ты же понимаешь...

– Да кому на хрен сдалась эта твоя журналистика? Кто сейчас вообще читает новости? Все, что хочешь, можешь найти в сетях.

– Не все. Сегодня нашли убитую девушку...

– Ой, все! – перебил Славик, отгородившись раскрытой ладонью. – Хватит! Не хочу слушать про какую-то там убитую девушку на ночь.

Лина вздохнула. Они стояли так близко, но были будто чужие люди. Ей так хотелось, чтобы не было этого разговора, чтобы он просто обнял ее.

– Слава, – тихо позвала она, положив руку ему на плечо. – Слав, хочешь, я пожарю картошки?

– Нет.

– Или давай сходим куда-нибудь? – Пальцы женщины

пробрались под его рубашку, нащупав жесткие завитки волос на животе.

– Господи! Да что с тобой не так? – взвился Славик.

* * *

– А что с вами не так?

Валентин Игоревич мягко и пытливо смотрел из-под очков в тонкой оправе. Кабинет психоаналитика окутывал уютom. Нежно-персиковые стены, невесомые тюли и плотные шторы бежевого цвета с невнятным золотистым узором. Книжные полки с безделушками, фигурками животных и персонажей фильмов и мультиков. У окна солидный старый тумбовый стол с винтажной лампой под зеленым стеклянным абажуром. Чуть в стороне от двери – два удобных кресла и торшер. Здесь было спокойно.

– Со мной не так примерно все. – Лина улыбнулась, но вышла кривая усмешка.

– Хочу вас заверить, что это абсолютно нормально. С большинством людей все не так, но они либо не хотят в этом признаться, либо не понимают этого.

– Значит, работы у вас хоть отбавляй?

– Не жалуюсь. Но вы ведь пришли не для того, чтобы говорить обо мне?

– Определенно не в этот раз, – кивнула Лина.

Зачем же она здесь? Сидит в кресле перед совершенно

незнакомым мужчиной и собирается просить его помощи. Может быть, потому, что еще немного, и она просто сойдет с ума.

– А хотите чаю? – спросил Валентин Игоревич. – У меня есть прекрасный пуэр. Друзья привезли из Китая.

– Да, спасибо.

Психоаналитик легко поднялся из кресла и прошел к двери в приемную.

– Ирочка, сделай, пожалуйста, чай.

– Хорошо, – отозвалась секретарь.

– Пуэр ведь закапывают в землю на сколько-то лет? Там, где я выросла, за такой чай пришлось бы плохо. Разве можно что-то закапывать, а потом откапывать и пить? Это ересь.

– Ну а как же картошка?

– Картошка от Бога. – Последнее слово встало колом в горле.

– У вас с Богом какие-то неприятные ассоциации? – Валентин Игоревич был прекрасным психологом, тонко улавливающим чужое настроение.

– О! – протянула Лина. – У меня странные отношения с Богом. Мне всегда полагалось любить и бояться его. И я изо всех сил старалась. Но слишком часто у меня не получалось.

– И что происходило, когда у вас не получалось?

– Происходило... – Лина сцепила ладони в замок.

Холодный озноб пробежал по ее спине от воспоминаний. Она не заметила, как после легкого стука открылась дверь и

секретарь принесла небольшой поднос с двумя чашечками. Валентин Игоревич взял свою и приготовился слушать.

Детские воспоминания бывают размытыми, отрывистыми, порой про такое, чего не было на самом деле. Они сплетены из снов, чьих-то рассказов, неосознанно присвоенных историй друзей и знакомых, фильмов и мультфильмов. Воспоминания, закрепленные на фотографиях, ярче. Можно помнить день, когда сделан снимок. Можно помнить события. А можно не помнить ничего.

И Лина очень хотела, всегда хотела ничего не помнить о своей прежней жизни. Ностальгии это не вызывало.

* * *

– Мне никогда не читали детскую Библию. Ну знаете, ту синюю толстую книжку с яркими картинками, которая в середине девяностых была буквально у всех. В ней простыми словами, как сказку, рассказывали о сотворении мира, о падении Адама и Евы, о заветах, о распятии и воскрешении. Легко, интересно. Так, чтобы ребенок понял, даже если читает эту книгу сам. Я узнала о ее существовании гораздо позже.

Мне читали настоящую Библию. И Евангелия. И жития святых. Монотонно, скучно и непонятно. Я четко помню отца, который сидит за столом у моей кровати и читает вслух о Лазаре. А я лежу и смотрю на огонек лампадки. И на тем-

ные иконы, которые почти целиком занимают всю стену нашей большой комнаты.

В деревне, в общем-то, никогда от Бога не отрекались, даже при Советах. А когда снова стало можно молиться и верить, люди в открытую стали ходить в церковь. Почти в каждом доме снова появился красный угол с рушником и иконкой.

А у нас стена. То, что это очень странно, я тоже поняла гораздо позже. В детстве мне казалось, что так у всех. Что все знают молитвы и читают такие книги. И что Бог смотрит на всех.

На меня Бог точно смотрел с пристрастием. Я должна была помнить об этом каждую минуту. Бог, с которым меня познакомили совсем крошкой, – нетерпимый, злой и жестокий. Карающий за любую шалость или провинность. Чего уж говорить про меня, если он не пожалел своего сына?

А раз Бог не жалел свое дитя, то почему родители должны относиться ко мне иначе?

Троица выпала на начало июня. Было жарко и душно. Горели все лампадки, и от запаха ладана мне было нехорошо. Мать, как обычно, наряженная в темную длинную юбку и кофту с рукавами. Отец в темных лоснящихся брюках и черной рубашке. И я в глухом платье, из которого почти выросла. Семья. Стоим на коленях перед иконостасом. Отец чуть впереди, густым басом читает псалтырь. Бьем поклоны до выскобленного пола.

А жирная муха с зелено-синим брюхом бьется в стекло. Глупое насекомое никак не может понять, что открытая форточка немного выше. А через стекло совсем никак нельзя пробиться на улицу.

Там, на улице, светит солнце. Распустилась яблоня, и пахнет так вкусно. На улице легко дышать и можно смотреть на облака. Или через дырку в заборе, которая сразу за кустом смородины.

Бжж! Бжж! Бжж! – муха все долбится в стекло.

«Интересно, не болит ли у нее голова?» – думаю я.

И тут меня поднимает за ворот платья неведомая сила. Встряхивает так, что зубы стучаются друг о друга. Я прикусываю щеку изнутри. Вкус крови.

– Негодная девчонка! – прямо мне в лицо шипит мать.

Такой разгневанной я вижу ее впервые. Она могла прикрикнуть на меня, если я путала буквы. Могла больно дернуть за руку, когда я забывала слова молитвы. Могла так посмотреть на меня, когда я глядела на других детей, что мне хотелось тут же скрутиться в комочек и спрятаться в углу своей кровати.

– Чем ты занимаешься?

От страха я забываю слова. Просто стою и моргаю, чтобы не заплакать.

– Я тебя спрашиваю? – Мать хватает меня за руку, сильно сжимает и тормозит.

– Муха, – выдавливаю я из себя, тыча пальчиком в окно.

– Ах, муха! Муха, да? Да как ты смеешь во время молитвы думать о какой-то мухе?

Она тащит меня через комнату к столу. Там стопочкой лежат книги. Я почти бегу за ней на цыпочках, потому что моя рука все еще зажата в ее руке. Я чувствую, что сейчас случится что-то плохое. Дети всегда чувствуют, что случится что-то плохое. Но иногда родители делают так, что плохое не случается.

Меня выпускают, и я хватаюсь за предплечье, которое очень болит. Но глаза мои неотрывно следят за матерью. Вот она раскрывает Библию и вынимает закладку. Длинную плоскую деревяшку с цифрами и черточками. Позже я узнаю, что это школьная линейка.

– Вытяни руки! – командует мать. – Ну!

Ничего не понимая, я выполняю команду. Может быть, она заставит меня читать?

Резкий взмах, и линейка опускается на тыльную сторону моих маленьких ладошек. Больно! Я инстинктивно прижимаю руки к груди. А еще я описалась. Мне всего четыре.

* * *

Чашка согревала застывшие пальцы. Рассказывать о своих воспоминаниях оказалось мучительно. Лина старалась не смотреть на Валентина Игоревича. Она пригубила уже полухолодный чай. Он оказался очень терпким, чуть вяжущим на

языке. Легкий аромат древесины и привкус какого-то фрукта.

— Это был единственный случай, когда вас наказали? — Валентин Игоревич делал какие-то пометки в своем блокноте.

— Ну что вы? — криво улыбнулась Лина. — Разве это можно считать наказанием?

— А разве нет? Наказание, и не совсем соразмерное с «виной». Маленьким детям свойственно отвлекаться. Они познают мир. Вы ведь понимаете, что не совершили ничего плохого?

— Я поняла это не сразу. Уж точно не в четыре года. Тогда я очень и очень старалась вести себя хорошо. Чтобы не прогневать Бога и мать. Но Богу было на меня плевать, а мать я подводила часто.

* * *

— Прямо напротив нашего двора, на пыльной дороге играли девочки. Они были старше меня, наряднее, веселей. Я стояла у калитки и подсматривала за ними через щелку.

На них были такие красивые яркие футболки, юбки из джинсы и шорты. Загорелые до черноты, растрепанные и даже стриженные, они прыгали через резиночку. Я понятия не имела, как называется эта игра. Две девочки стояли напротив друг друга, и на их ногах была натянута резинка для белья, образуя четырехугольник. А третья скакала, стараясь не

задеть резинку, громко выкрикивая слова считалочки.

При каждом прыжке поднималась пыль. Юбка подлетала вверх, задираясь до бедер. И никому не было до этого никакого дела. Никто не кричал на них, никто не запрещал веселиться. Как я хотела оказаться по ту сторону забора и так же весело и крикливо скакать через растянутую резинку!

Игра так увлекла меня, что я тоже стала прыгать. Представила, что я и не я вовсе, а вон та девочка с коротким хвостиком в футболке с картинкой и красных шортах. У нее получалось прыгать лучше всех.

В конце концов меня заметили. Девчонки на минуту сбились в стайку и о чем-то пошептались. Потом к забору подошла та самая девочка, которая мне понравилась.

– Привет, – сказала она.

– Здравствуйте, – сказала я.

Именно «здравствуйте», потому что меня не учили говорить с другими детьми, а взрослым я говорила только так.

– Пойдем с нами.

Я оглянулась на дом. Никто и никогда меня никуда не звал. Все, что было за пределами забора, – чужое. Там нет ничего хорошего. Следовательно, делать нечего на улице. Тем более маленькой пятилетней девочке в глухом длинном платье и уродливых разношенных кроссовках.

– Идем, нам нужен еще человек, чтобы мы с Катькой могли вместе прыгать, – звала меня девочка.

Мне так хотелось хотя бы просто подержать на ногах эту

резинку! Так хотелось, что я потянулась к засову и открыла его. Мое сердце колотилось. Радость от предстоящей игры накладывалась на страх. Я жутко боялась разозлить Бога своим поведением.

Но ведь вот передо мной девочки, которые играют, и с ними ничего плохого не происходит. Раз могут они, то могу и я.

Это был мой первый шаг за забор без ведома родителей. Я вышла на улицу, прикрыв за собой калитку. Красивая девочка взяла меня за руку и повела к остальным. Меня! Малавку для них приняли в игру!

Резинка впилась мне в лодыжки. Я старалась стоять смирно, чтобы она не слетела. Завороженно смотрела, как Катя и Лена ловко перепрыгивают через «ограждения», высоко задирая ноги. Тогда мне казалось, что они какие-то высшие существа. Такие сильные, такие взрослые, так у них здорово получается перелетать с одного края резиночки на другой. Я понятия не имела о слове «синхронность», но видела ее и стояла с открытым ртом.

– Хочешь попробовать? – спросила запыхавшаяся Лена.

Я хотела! О, еще как! Лена заняла мое место, опустив резиночку совсем низко. Катя встала на другую сторону. Третья девочка, немного полноватая Таня, медленно показала мне, как нужно прыгать.

– Только тебе платье мешать будет, – авторитетно сказала Катя.

– Ну ты его чуть подними, – посоветовала Лена.

– Как? – Я смотрела на нее во все глаза.

– Вот так! – Таня взялась за подол своей юбки и потянула его вверх.

Юбка задралась выше колен, а девочка, весело смеясь, начала скакать. Ее ноги мелькали, хвостик смешно подпрыгивал, падая на плечи.

– Давай, – сказала, попрыгав, Таня.

Я ухватила за платье и потянула наверх. Еще никогда мои ноги не были обнажены настолько где-то, кроме бани. Стоя у края резиночки, я сосредоточилась, готовясь к первому в своей жизни прыжку. В своих мыслях я была грациозна, хотя этого слова я тоже еще не знала.

Прыжок вышел нелепым. Я наступила на край резинки. В настоящей игре это означало, что мое место должен занять следующий. Но девочки уже напрыгались или им было жаль маленькую зашуганную меня. Мне дали еще попытку.

– Раз! Два! Три! – считала Катя мои прыжки.

Прыжок. Правая нога в круг. Прыжок. И левая нога в круг. Прыжок. Правая из круга. Прыжок. Левая из круга.

Счастливая, я обвела новоявленных подруг победным взглядом. И вот тут мое сердце, все внутри меня оборвалось. Калитка моего двора была открыта. Там стояла тонкая фигура моей матери. Она посмотрела мне прямо в глаза.

– Богохульница! – выдохнула она. – Куда платье задрала?

Из-под подола торчали мои толстые икры. Я продолжала сжимать подол, не в силах разжать одеревеневшие пальцы.

— А ну пошли отсюда, бесовки! — Мать надвигалась на нас, как грозовая туча.

Девчонки с визгом бросились по дороге, оставив резиночку. И меня. Мне бежать было некуда.

Мать намотала мою косичку на кулак и поволокла в дом. Она молчала. Это ее молчание наполняло меня таким ужасом, что мне хотелось умереть. Про смерть я знала. Умереть, оказаться в чистилище, и пусть бы там меня мучили черти, но не мать. Она казалась мне гораздо страшнее.

В дом меня втянули, как вещь. Отпуская косу, мать буквально швырнула меня в комнату перед иконами. Я упала на колени, больно ударившись выставленными ладонями.

— Молись! Молись и кайся! — приказала она, с силой пригибая мою голову к полу.

— Отче наш... — осипшим голосом начала я.

Тем временем мать вынула из Библии линейку. Я уже знала, что будет дальше. На глаза сами собой навернулись слезы.

— Руки!

Я выставила перед собой дрожащие руки вверх кистями.

— Молись! — Хлесткий удар.

— Отче наш...

— Громче! — Еще удар.

— Отче наш... — голос срывался.

Кисти горели. Каждая строчка сопровождалась ударом. Но если отдернуть руки, придется начинать молитву заново и ударов будет больше.

Оставшийся день я простояла на коленях перед иконами. Ужина меня лишили. Разрешив пойти в кровать только ближе к полуночи.

Катя, Таня и Лена больше никогда не играли напротив нашего дома. Но я видела, как они иногда проносятся мимо на велосипедах. Такие яркие и счастливые, что казались снами.

* * *

Лина нечасто готовила, но сегодня было настроение. В сотейнике томился соус из помидоров и болгарского перца. В кастрюле закипала вода под спагетти. На столе уже стоял салат в прозрачной миске. Лина даже зажгла пару свечей и вынула из шкафа вино, купленное на будущий Новый год. Славик должен был прийти через пятнадцать минут.

Спагетти стыли в закутанной полотенцем кастрюле. Соус густел, и на его поверхности появлялась малоаппетитная пленка. Лина допивала второй бокал вина. Свечи были потушены.

В прихожей хлопнула дверь. Славик, шумно пыхтя, скинул кроссовки, громыхнул ключами о полочку под зеркалом.

– О, а че это? – спросил мужчина, входя в кухню.

– Полтора часа назад это был праздничный ужин.

– Серьезно? В честь чего?

Славик сел на табурет, налил себе вина и выпил. Чуть поморщившись, он взял бутылку и принялся изучать этикетку.

- Решила начать новую жизнь, – ответила Лина.
 - Мм, – протянул он. – Удачно?
 - С переменным успехом.
 - Че, статью похвалили? Или, типа, премию дали?
 - Где ты был? – нахмурилась Лина. – Я позвонила тебе, и ты сказал, что будешь через пятнадцать минут. Слава, прошло больше часа. Ты мог перезвонить?
 - Ты решила вынести мне мозг?
 - Я просто хотела, чтобы мы поужинали вместе.
- Славик поставил бутылку, стукнув дном о столешницу:
- А меня ты не спросила, чего я хочу?
 - И чего же ты хочешь?
 - Чтобы меня не трогали. И не контролировали. Ты мне не мать!
 - А кто я тебе?
 - Слушай, хватит вот этого вот! – Славик вскочил с табурета. – Я в душ.

Лина посмотрела на его удаляющуюся спину. На глаза навернулись слезы, которые она поспешно смахнула. Пару раз шумно втянув носом воздух, она налила себе третий бокал вина, понимая, что назавтра проснется с больной головой.

Глава 3

– У меня голова раскалывается, – пожаловался Гриша Город.

– Бывает, – посочувствовал ему Федя. – А меня вчера жена заставила шкаф передвинуть, и я, кажется, спину сорвал. Хожу как паралитик.

– Паралитики не ходят.

– Ну ты ж понял!

– Бабушки, обсудили свои болячки? Теперь докладывайте, – сказал Парфенов.

Федор и Гриша обменялись взглядами. Егоров уставился на начальника большими голубыми глазами:

– Сходил я в институт, где Лопатина училась. Училась так себе, зачеты сдавала, прогулов не много. В общем, преподаватели ничего про нее рассказать не могут. Сам понимаешь, у них таких Свет – каждая вторая.

– Почему не в общежитии жила?

– Почему не жила? Жила. Половину первого курса там обитала. Потом съехала. Сняла ту квартиру, на которой ее нашли.

– Дальше. Федь, ты ж не Город, что я из тебя все вытягиваю?

Федор вздохнул:

– Я ж с ним в одном кабинете сижу. Он меня научил всему

плохому, что я знаю.

– Э! – Город пихнул Егорова в плечо.

Кирилл строго посмотрел на подчиненных.

– Девочку заporоли до полусмерти, а потом задушили. На ней буквально нет живого места. Кожа вместе с мышцами отстает от ребер. Вы хоть примерно себе это представляете? У нее половина зубов сломана о кляп! Девочке едва за двадцать! А вы тут клоунаду решили устроить?

Федор виновато засопел, ерзая на стуле. Город уставился на столешницу.

– Я поговорил с ее одноклассницами, – продолжил Егоров. – Света с первого курса очень изменилась. Когда приехала, то была обычной девчонкой. Можно сказать, серой мышкой. А потом у нее появилась хорошая одежда и дорогая косметика. И она перестала есть в студенческой столовой. Кстати, столовая хорошая.

– Значит, у девочки появились деньги. – Парфенов проигнорировал последнее замечание Феди. – Откуда? Устроилась на работу или родители стали помогать?

– Папика нашла. Ну это она так приятельницам сказала. Никто из них этого папика никогда не видел. Сама Лопатина по имени его не называла, фотографий совместных не показывала.

– Ну это нормально. Скрывала, чтобы не отбили, – предположил Гриша.

– Может, и так. Только несколько человек слышали ее раз-

говоры по телефону явно любовного характера. И вот в этих разговорах были мужские имена. Разные имена.

– Намекаешь, что папик был у нее не один? Скорее даже не папик, а клиент. Что-то такое я и предполагал. – Кирилл почесал лоб. – С кем-то из института Лопатина общалась ближе, чем с другими?

– Только с Иванцовой. Они вообще неразлейвода были. С остальными могла, конечно, в клуб сходить. Но так, чтобы компанией на дачу, на шашлыки, на речку – нет. Не говоря уж о домашних вечеринках. Ее на них даже звать перестали.

– Понятно. Гриша, что у тебя?

– Контакт в телефоне Лопатиной полно. Еще больше в мессенджерах. В основном мужики.

– Сообщения с угрозами?

– Может, и были.

– В смысле «были»?

– В прямом, – пожал плечами Гриша. – Мессенджеры пустые в основном. Есть, конечно, куча сообщений в группах по учебе, с Иванцовой переписка сохранилась. Еще несколько чатов с какими-то девушками. Семейная группа с фотками. И все. Остальное потеряно.

– Восстановить можно?

– Нет. Все, что удалено из переписки, удалено навсегда.

– Хорошо, оставим пока этот ваш прогресс, – кивнул майор. – А по обычным звонкам? Или сейчас никто никому не звонит?

– Звонков полно! Даже через край. У меня столько нету, – заверил Город.

– И?

– Есть неотвеченные звонки с вечера пятницы по полдень воскресенья, когда ее нашли. Несколько неизвестных номеров, Иванцова пару раз звонила, родители, еще мужики.

– Неизвестные номера кому принадлежат?

– Три не удалось пробить, там явная подстава, какие-то узбеки. Остальные принадлежат мужчинам, которые со мной разговаривать не согласились.

– Понятно. А последний принятый вызов?

– Некто Валерий Алексеевич Роднянский. Студент того же института, учится на четвертом курсе. Прописан в общежитии, но там давно не появлялся.

– Да тоже, поди, хату снимает, – вставил Федор.

– Федя, давай ты его найдешь? – Вопрос Парфенова походил на приказ.

– А почему я? А Гриня?

– А Гриня, как самый молодой и продвинутый, сейчас сидит за ноутбук и прошерстит все соцсети Лопатиной. Что выставляла, с кем ругалась, что лайкала, что сохраняла. Опять же переписка, если она там не удаляла сообщения.

– Шеф! Ну шик же задание! – просиял Город.

– Это несправедливо. Он за две секунды все сделает и будет в игрушки свои резаться. А я с больной спиной по городу бегать. – Егоров скорчил грустную гримасу.

– Ты, что ли, сомневаешься во мне, как в мудром и рациональном руководителе? Ты что, следователь Копылов? Нет? Так вот идите и работайте.

Оперативники поднялись. Парфенов проследил за ними взглядом до дверей своего кабинета.

– Гриша, – окликнул Кирилл, – если я узнаю, что ты хотя бы полчаса рубился в свои игрушки, я приказом по отделу запрещаю тебе приносить на работу смартфон. Выдам простой кнопочный аппарат-кирпич, и ты будешь с ним ходить.

– Как лошара! – хохотнул Егоров, хлопая товарища по плечу.

– Вот именно, – подтвердил Парфенов.

– В обеденный перерыв могу делать все что захочу.

– А надо в это время кушать, – мудро изрек Федя.

– До обеденного перерыва ты мне всю информацию сюда должен принести.

– Понятно, – засопел Город.

– Раз понятно, выполняйте. Оба.

* * *

– Марина, вас очень трудно найти, – сказал Парфенов, усаживаясь на стул летнего кафе.

– И легко потерять. И невозможно забыть, – мило улыбнулась девушка.

Раскаленный воздух колыхал легкие занавески на веран-

де кафе. Несмотря на будний день, на утро, почти все столики были заняты. Парфенов потратил полчаса, чтобы дозвониться до Иванцовой, – на домашний телефон девушка не отвечала, а сотовый постоянно был занят.

– Я в той хате вообще не могу, – пожаловалась Маринка. – Вы когда все ушли, меня такая жуть взяла – капец! Я думала, я там с ума сойду, пока шмотки собирала! Там же вонища такая! Кровь везде. Мрак! У меня по коже мурашки размером с кабанов бегали. Еще хозяйка эта привязалась.

– А что она от вас хочет?

– Ну, типа, чтобы я все там отдраила. И предъявляет, типа, кровать испорчена, обои там, короче. Надо ремонт делать. Надо мебель покупать. Типа, кто в этой хате жить захочет, когда узнает, что там такое было? А я при чем? Это ж не я Светку...

– С хозяйкой я поговорю, – пообещал Кирилл. – А вы куда переехали?

– А вы в гости зайти хотите? – Маринка отпила коктейль через трубочку.

– Марина, вы проходите по делу как свидетельница. И можете понадобиться.

– Понятно. Я в общагу пока вернулась. Жесть, конечно, после своей хаты. Но я хотя бы сплю нормально. Надо искать, с кем новую хату снять.

– Кстати, вопрос про квартиру. Вы с Лопатиной снимали квартиру на двоих, правильно?

– Ну да.

– Насколько я знаю, стипендию ни вы, ни Светлана не получали...

– Ой, да в институте жлобы! – перебила Маринка. – Типа, прогулы есть, пара троек – все, нет стипухи. Вот кто может учиться без троек? Ботаны? Которые кроме своих книжек ничего не видели. Ой, прям вот бесят!

– Как у вас получалось оплачивать квартиру? – гнул свою линию Парфенов, отпивая минеральную воду.

– Ну как? – Маринка уставилась на майора и захлопала накладными ресницами.

– Вот и я спрашиваю «как?». Стипендию вы не получали, официально нигде не работали.

– Ну, там, предки подкидывали.

– У Светы Лопатиной только мать и еще две сестры младшие. Мне кажется, их семья вряд ли может позволить себе помогать старшей дочери снимать квартиру в нашем городе. Дороговато.

– Че-то я вас не пойму. Вы на что намекаете? – Маринка резко поставила свой бокал на стол. Этот мент ей совершенно не нравился.

– Я намекаю на то, что у Светы в телефоне очень много контактов с мужскими именами. А ваши соседи рассказывают, что в квартире, которую вы со Светой снимали, мужчины – частые гости. Причем много мужчин, и каждый раз разные. По-моему, есть только одно подходящее объяснение.

– Мы вам не шлюхи! – зло прошипела Маринка.

Девушка поднялась, накинула лямку сумки на плечо. Ее щеки горели румянцем.

– Сядьте! – тихо, но строго сказал Парфенов.

– Идите и ищите того, кто Светку убил! А от меня отстаньте!

К сожалению, чтобы выйти из кафе, нужно было пройти мимо стула, на котором сидел Кирилл. Маринка даже сделала пару шагов до того, как сильная рука обхватила ее тонкое запястье. Девушка вскрикнула. На них стали оборачиваться люди за соседними столиками.

– Я так понимаю, вы хотите, чтобы наша беседа продолжилась в отделении? – Парфенов смотрел на нее снизу вверх. – Что ж. Сейчас я вызову наряд, вас задержат на сорок восемь часов. На сорок седьмом часе я вызову вас на допрос. Тогда вы со мной соизволите разговаривать?

Маринка засопела, переваривая информацию. Ехать в отделение она не хотела. А в том, что Парфенов сделает то, что обещал, не сомневалась. Не глядя на майора, девушка вернулась на свое место.

– Отлично, – кивнул Кирилл. – Итак, рассказывайте.

* * *

– Да че там рассказывать? Приехали поступать, поступили. Наивные ромашки! Думали, будем учиться, профессию

получать. Высшее образование – прямая дорога к успеху. Востребованная специальность. Перспективы. Хорошая зарплата, высокие должности. Чем там еще в школе детям голову дурят? А оно никому не сдалось, это высшее образование! Потому что на высокие должности уже с рождения детей определяют всякие там папы, дедушки, дяди, тети, короче, родственники.

Со Светкой мы познакомились в общежитии. В соседних комнатах жили. На одной кухне пельмени варили. Господи, как я ненавижу эти пельмени из магазина! Самые дешевые. Съел, и через полчаса опять жрать хочется так, что живот сводит.

То, что работать по специальности мы не будем, стало понятно месяца через два после начала занятий. Но не возвращаться же домой! В эти дыры, из которых мы со Светкой еле-еле выбрались. У Светки две сестры и мать в двушке. У меня отчим, мать и сводный брат-дебил. Он за мной все пытался подглядывать, пока я ему яйца не прищемила дверью шкафа. Короче, никому мы особо не нужны.

Сначала, вы не думайте, решили на работу устроиться. Типа, приработаемся, а потом уже институт можно будет бросить. Или не бросать. Типа, корочки получить, типа, грамотные. Ну, я в кофейню устроилась в вечернюю смену. А Светка пошла официанткой в пиццерию.

И че? Да ниче! Тупо полдня на ногах, носишься, клиентам хамоватым лыбишься, чтобы чаевые оставили. А там то один за жопу пощупает, то второй возле туалета прижмет.

Светку, вон, официант прыщавый в раздевалке подловил и давай руки под майку засовывать. Она его коленом по яйцам и пихнула так, что он головой в шкафчик. А оказалось, что этот прыщавый какой-то дальний родственник хозяина ее пиццерии. Турнули Светку. И меня турнули, потому что я не согласилась штраф выплачивать за то, что посетитель сбежал не заплатив. А я, что ли, обязана за этими ушлепками следить? Для чего на входе охрана стоит?

Короче, совсем тухло стало. И пошли мы со Светкой в клубешник прогулять последние деньги. Потому что грустно. Жизнь отстой. А мы слишком красивые и молодые, чтобы горбатиться за гроши.

В клубе хорошо. Там музыка, свет мелькает, девки полу-голые в клетках зажигают! Я все время этим девкам зави-дую, они, блин, такие шикарные. Все у них есть – ночь жопой покрутишь, на каблуках подергаешься, и утречком с баблом домой. Все такие из себя чики. Блестки, косметика, плати-ца рабочие коротенькие, обтягивающие. Высший класс!

Мы со Светкой что-то пили. Ну, на что денег хватало. За-жигали. Так весело нам еще не было!

Ну и подвалили к нам два парня. Типа, хай, красотки, хо-тите че-нить попить? А мы что, дуры? Мы хотели попить, и еще потанцевать, и еще попить. Раскрутили их на коктейль-чики. Они через час где-то говорят: а поехали к нам? Тут, типа, шумно. А мы со Светкой уже прям пьяненькие были. И поехали.

Ну а чего не поехать? Нам кто запретит? Мы совершеннолетние. Можем делать что хотим и с кем хотим. Жизнь вообще одна. Да и мальчики были нестремные. И вроде как при бабле. Светка, помню, мне тогда еще сказала, что было бы неплохо с ними замутить. Они бы нас по клубам таскали, подарочки всякие дарили. Мажорчики, это ж видно.

Поехали мы с ними. По дороге ржали как бешеные. Парни оказались веселые. Мы так по ночной трассе гоняли, у меня чуть ресницы не отклеились! Прямо адреналин.

Приехали в какой-то коттедж. Офигеть, как там шикарно! Мы, наверное, как лохушки были – на все таращились, трогали. Еще выпили. Потом по комнатам разошлись. Ну, сами понимаете, не в шахматы мы там всю ночь играли.

А утром мальчики нам денег дали, такси вызвали, и мы поехали в общагу. Нормально так денег дали. Оказалось, даже больше, чем мы с собой в тот клуб взяли.

Сели мы тогда со Светкой на кухне, бутеры с настоящей колбасой сделали, кофе нормальный сварили. На запах столько халявщиков собралось – еле отогнали. Короче, подумали мы и вечером снова в тот клуб пошли.

* * *

Маринка нагло смотрела на Парфенова. Официантка только что принесла еще один стакан сока.

– И че теперь? Типа, арестуете меня за проституцию? Ка-

кая там у вас статья?

– Я не собирался вас арестовывать.

– Ну понятно, – криво усмехнулась девушка. – Раз не арестовывать, то субботники будете устраивать. Знаем, проходили. Участковый предыдущий все время к нам со Светкой заваливался, скотина старая! Ручонками своими жирными за сиськи вечно схватится и сопит.

Она передернула плечами от неприятного воспоминания.

– Марина, у Светы был какой-нибудь конфликт с клиентом? Что-то кому-то не понравилось? Кто-то отказался платить? Может, что-то подцепил?

– Вот этого не надо, дядя! – Маринка выставила перед собой указательный палец, искренне возмущившись словами майора. – Никаких таких болячек у нас не было. На гондоны мы зарабатываем. И таблетки пьем, нам проблем не надо. А если кто-то платить отказывался, то под нами Толик Чечен живет. Мы ему по батарее стучали, и он поднимался. Все платили.

– Кто такой Толик Чечен? – насторожился Парфенов.

– Да нормальный такой мужик. Ему в Чечне в башку осколок прилетел, и он иногда глюки ловит. А так нормальный. Ну мы ему за охрану платили. Вы не подумайте, он деньгами брал. У него и жена есть, и спиногрызы. Чисто по дружбе нам помогал.

– Хорошо, конфликтов не было, по крайней мере, вы про них не знаете. А странные клиенты?

– Типа, которые только смотреть любят?

– Типа того. Смотреть, переодеваться, вас переодевать.

– Ой, есть у меня один дедок. Ну ему лет шестьдесят. Так ему нравится меня купать. С уточками, с пеной. Спинку мне потрет, голову помое. Че ему за радость, понятия не имею. Мы его называли «дед СПА».

– Причудливо. Ну а такие, которым пожестче надо?

– К Светке один такой раз пришел. Во время этого самого давай ее по щекам лупить. Ну ладно там разок. Так он ей синяков оставить успел, пока я на крик не прибежала. Вот хорошо, что дома была.

– Кто такой? Когда приходил?

– Да с полгода назад, – пожал плечами Маринка. – Имени не помню. Такой весь из себя бухгалтер. Пиджачок дурацкий. Усики, прости господи. Но мы тогда Толика позвали, Толик ему парочку раз прописал и с лестницы спустил. Так что этот к нам больше не совался.

– А вы знаете Валерия Роднянского?

– Леру Родю? Так кто его не знает? Он из нашего института, кажется, четвертый курс. Типа, будущий компьютерщик. – Маринка засмеялась.

– Какие у них со Светой были отношения?

– Ну пару раз пересекались. А что такого? Он платил, она давала – все по-честному.

– Вы знали, что Роднянский звонил Лопатиной накануне ее смерти? Они договаривались о встрече?

– Вы че думаете, это Родя Светку так? – Маринка прикрыла рот ладошкой. – Да вы че?!

– Так они собирались встретиться?

– Ну откуда я знаю? Я на дачу к друзьям свалила. Все равно эти дни были, работать нельзя.

* * *

Майор Парфенов сидел в своем кабинете и не мог отделаться от мысли, что за пару часов услышал слишком много откровений от юной, в принципе, девушки. Девушки, которая без стеснения рассказывала ему и о том, кто приходит, чтобы ее купить, и о том, когда у нее начинается менструальный цикл.

«Нет, – подумал Кирилл, – все-таки кое-что в женщине должно оставаться загадкой».

– О, шеф, вы уже на месте? Я к вам. – Гриша вошел в кабинет, неся с собой ноутбук.

– Я надеюсь, ты мне сейчас скажешь, кто убил Лопатину. А я позвоню Копылову и его обрадую.

Гриша поставил ноутбук на стол и уселся на стул.

– Нет. Вы же знаете, я глупый, – весело отрапортовал Город. – Я делаю только то, что скажут старшие товарищи.

– Паясничать команды не было. Рассказывай, Гриня, что нашел.

– У Лопатиной был второй аккаунт в одной сети. Один,

про который все знали, на нее там даже сестры подписаны. Там приличные фотографии. Света на парах. Света гуляет по городу. Света с Мариной сидят в кафе. Такого плана.

– Официальные, – кивнул Кирилл.

– Да. А есть еще один, и там одни нюдсы.

– Что, прости?

– Нюдсы, – повторил Гриша. – Короче, голые фотографии.

Ну или полуголые. Такие всякие.

– Я понял тебя. И что там на этом аккаунте?

– Там куча мужиков в фолловерах, куча лайков и комментов вроде «Я тя хочу», «Классная соска», «Возьми мой»...

– Стоп! С меня на сегодня такого контента достаточно!

– Ну там директ почищен, конечно, но, судя по всему, это был «рабочий» аккаунт Лопатиной.

– Что-то существенное есть? Или ты только порнуху заценил?

– Вот сейчас было обидно! – Город приложил руку к груди. – Чтобы я на рабочем месте просто так порнуху смотрел? Ни-ког-да! Только исключительно по приказу.

Парфенов вздохнул. Иногда из Города было сложно вытянуть предложение хотя бы из пяти слов, а иногда Гриню несло и он начинал хохмить.

– Знаешь, может, тебе в стендап уйти? Прямо чувствую, это твое.

– А кто вам тогда расскажет, что в другой соцсети у Лопатиной весь мессенджер завален вопросами про какие-то ле-

карства? Где достать? Какая цена? Че как встретимся? И вот такого от разных людей штук двадцать. Я некоторые даже не стал открывать.

– Интересно! Показывай. – Парфенов вышел из-за своего стола, направляясь к Городу.

Гриша раскрыл ноутбук, защелкал клавишами. Страница Лопатиной не пестрела обычными девчачьими картинками про любовь, отношения, котятков. Пара псевдофилософских цитат о смысле жизни – все. Даже на аватарке красовалось какое-то бесполое анимешное существо.

– А с чего ты взял, что это вообще страница убитой? – спросил майор.

– Потому что ей на телефон уведомления о сообщениях в этой сети пришли.

– Верно, кто бы стал давать такой доступ к своей странице чужому человеку. А открой вот это сообщение. – Кирилл ткнул пальцем в одно из последних поступивших посланий.

– «Детка, в аптеке ревизия. По тебе недостача. Решай уже», – прочитал вслух Гриша. – Это че?

– То самое. Лопатина явно задолжала кому-то денег.

– Кто кому задолжал денег? Гриня, ты, что ли, опять кому-то проспорил? Кирилл Андреич, если вам, то вы его трясите, потому что Гриня фиг че сам отдаст. – В кабинет ввалился Федя.

– Я учту на будущее, – кивнул Парфенов. – Лопатина задолжала, видимо, своему дилеру.

– Она, что ли, тоже барыжила? Нет, я всегда знал, что высшее образование – зло. У них не институт, а рассадник асоциального элемента. Никаких моральных принципов.

– Я смотрю, ты там слов нахватался, – прищурился Город и повторил: – Асоциальный элемент!

– Я, между прочим, книжки читаю.

– Да ты половины букв не знаешь!

– Побольше твоего!

– Хватит! – Парфенов хлопнул ладонью по столу. – Федя, по существу излагай.

Оперативники подобрались. Гриша даже сложил руки перед собой, как примерный ученик. Егоров кашлянул и совершенно серьезно сказал:

– Самого Роднянского я не нашел. В деканате нет информации о месте его проживания. Мне дали контакты куратора их группы. Но он оказался на даче, так что я с ним говорил только по телефону. Куратор рассказал мне про пару человек, с которыми Роднянский поддерживает дружеские отношения. И еще сказал, что Валера не слишком усердный студент. В аудиториях он, конечно, появляется. По институту довольно много перемещается. Но вот с тетрадью его мало кто видел. Зачеты сдает кое-как. И к Роднянскому постоянно подходят студенты разных групп, потоков и курсов. Такая себе знаменитость. Вроде как кто-то видел, как Роднянский передает первокурснику пакетик с травой. Но на камерах этого не нашли, поэтому полицию не привлекли.

– Присматриваются, – констатировал Парфенов. – Ну это понятно, зачем институту такая заморочка с распространением. Тут же даже ребенку все ясно. Прикрыть их не прикроют, но проверками, переаттестацией замучают. С друзьями этого Роднянского ты говорил?

– Только с одним. Второй уже неделю в больничке лежит. В дурке. Вены себе вскрыл от ломки.

– И что тебе сказал здоровый?

– Ничего. Типа, понятия не имею, где Валерка живет. Мы общаемся по телефону, а в гости я к нему не ходил. И вообще, есть че предъявить? Нет? Пока. И дверь перед носом закрыл.

– И телефон у Роднянского отключен. Я проверял, – уточнил Гриша.

– Залег на дно. Скорее всего, он уже знает, что Лопатину убили. Чертовы «Огни» постарались, чтобы все подробности обрисовать. Узнаю, кто информацию слил, башку откручу, – пообещал Парфенов.

– Так Лера Родя наш подозреваемый номер раз? – спросил Гриша.

– Пока наиболее вероятный. На квартире денег было пара тысяч под клеенкой на холодильнике. А это, учитывая популярность Лопатиной у клиентов, маловато. Мог договориться якобы о встрече, убить Светлану и спокойно забрать все деньги.

– Че ж так-то убивать? Это же жесть какая-то пещерная, –

поморщился Федя.

– А это чтобы другие должники боялись. После такого акта устрашения вряд ли кто-то откажется возвращать долг. Так, Гриша, дай ориентировку на Роднянского по вокзалам и в аэропорт. Федя, на тебе ориентировка для ППС.

– Да он мог уже давным-давно из города свалить, – сказал Егоров.

– Есть у меня одна идея, как его вытянуть откуда угодно. Безумная, но пока единственная.

* * *

– Вы сумасшедший? – спросила Маринка снова позвонившего мента.

– Марина, нам очень нужна ваша помощь. Разве вы не хотите, чтобы убийца вашей подруги сидел в тюрьме?

– Вы вот эту вот киношную байдю прекратите! – Девушка была неприступна. – Я вам что? Дура, что ли? Родя меня, как курицу, прирежет – и приветики! Нет, я сказала.

– Не прирежет! Я вам чем хотите клянусь, – уговаривал Парфенов. – Мы с ребятами все время будем рядом.

– Ага, рядом. Пока вы добежите, он мне башку сто раз оторвет.

– А хотите, рядом с вами все время наш оперативник будет?

– Прямо все время?

– За ручку будет вас держать. – Парфенов был готов пообещать все что угодно, лишь бы Марина согласилась стать частью операции.

* * *

– Первый раз я в ментовке, если честно, – призналась Маринка, с любопытством разглядывая кабинет Города и Егорова.

– И как вам? – спросил Гриня.

– Да так себе.

– Я вот тоже говорю, что нам ремонт нужен. Но денег нет, – вздохнул Федя.

– Гриша, у тебя все готово? – спросил Парфенов, входя к ним.

– Да. Зашел в аккаунт Лопатиной.

– Отлично. Марина, найдите через свою страницу вот этот контакт и напишите: «Я все знаю про тебя и Свету. У меня есть доказательства. Если не хочешь сесть, гони сто тысяч».

– Че так много?

– Нормально.

* * *

Парфенову не спалось. Дело не двигалось, Копылов снова

дал поручение проверить все контакты убитой Лопатиной, будто они были какими-то стажерами. Нет, конечно, Кирилл отправил Гришу и Федора еще раз поговорить с приятелями Светы. Но, честно говоря, не надеялся, что это принесет хоть что-то.

Ориентировки на Роднянского пока ничего не дали. Билетов на свое имя он не покупал, зарегистрированным телефоном не пользовался. Уже прошли сутки после того, как Марина написала ему сообщение, – и тишина.

Что-то упало на кухне, и послышался приглушенный матерок. Кирилл вздохнул, прерывая размышления.

– Что у вас происходит? – спросил он, натягивая спортивные штаны.

– Такое себе, – ответила Марина.

Девушка наотрез отказалась писать сообщение Роднянскому, пока Парфенов не пообещал ей личную защиту. Переезжать в «кукушку» на неопределенный срок майор не собирался, надеясь, что взять подозреваемого получится в самое ближайшее время. Поэтому Марину он поселил у себя. Город пытался пошутить по этому поводу, но, увидев кулак Кирилла под своим носом, передумал.

Ероша волосы и чуть щурясь от света, Кирилл появился на кухне. Марина в футболке, что едва прикрывала ягодицы, собирала с пола разбитое яйцо.

– Не могу я ночью спать, – сказала она. – Да и жрать охота. А у вас в холодильнике даже голяк. Думала, хоть омлетик

пожарю.

– Давай тогда на меня тоже делай. – Кирилл уселся за стол.

– О'кей. – Марина бросила разбитое яйцо в раковину, сплоснула руки и полезла в холодильник.

Краем глаза девушка наблюдала за полицейским. Он сидел, подперев подбородок ладонью. Так-то мужик был нормальный, для своего возраста, конечно. И не урод. Опять же мент, а это кое-какой авторитет, между прочим. Может, ну эту работу?

– А где у тебя масло? – как бы невзначай перешла на «ты» Маринка.

Понимая, что выставляет свои прелести напоказ, она изогнулась, наклоняясь к нижней полке. Хотя что там брать, кроме начавшей портиться половинки капустного кочана?

– Слева вверху, – ответил Кирилл, невольно посматривший в ее сторону.

Маринка решительно закрыла холодильник. Глядя прямо в глаза Кириллу, она чуть улыбнулась. По-кошачьи мягко – эта походка стоила долгих репетиций перед зеркалом – девушка подошла ближе. И прежде чем он что-то понял, оказалась на коленях у Парфенова.

– Ну что мы как дети? – проворковала Маринка, обвивая руками мужскую шею.

Она прижалась к нему, давая почувствовать, какая у нее упругая грудь. Ее губы почти касались его уха.

– Хочешь меня?

– Прекрати. – Голос Кирилла дрогнул.

– Не будь занудой. – Острый язычок прошелся по мочке.

На миг Парфенову захотелось взять девушку прямо на кухонном столе. Ведь она же сама предлагает? Что здесь такого? Ну и что, что ей около двадцати, а ему почти сорок пять? Жениться он не собирается, спасибо, после второго развода можно и поумнеть. Просто секс.

– Так! – Кирилл решительно поднялся с табурета, ставя на ноги Маринку.

Здравый смысл взял верх над инстинктами. Собственно, Кирилла не раз бросали именно за то, что в определенные моменты он просто не мог отдаться чувствам. «Я не могу жить с роботом!» – так говорила первая жена, собирая сумку. «Вот интересно, если я стану разговаривать, как этот твой контингент, ты наконец станешь со мной ближе?» – спрашивала вторая жена, а потом ушла к какому-то клерку из своего офиса.

– Ты чего? Брезгуешь, что ли? Типа, о, она же шлюха, в ней концов побывало больше, чем звездочек в небе?

– Глупости не говори, – отмахнулся Парфенов. – Ты мне в дочери годишься. И вообще, давай ты позалипаешь в телефоне, а я пожарю этот чертов омлет?

* * *

Ели молча. Кирилл смотрел в свою тарелку, разламывая

вилкой гренку. Маринка смотрела в телефон, расправляясь с едой, не видя ее. Она была одновременно обижена на Парфенова и благодарна ему. Ну какой из него муж, в конце-то концов? Даже на папика не тянет. Денег у него, судя по квартире, нет. А что еще он может предложить? Какую-то «крышу»? Да ну!

Телефон коротко звякнул, давая понять, что пришло сообщение. Маринка нажала на уведомление. Вилка громко стукнула о край тарелки.

– Что? – встрепенулся Кирилл.

– Вот. – Девушка протянула ему телефон, она была взволнована.

«Ты не охренела столько заламывать?» – спрашивал Роднянский в соцсети.

– Отлично! Давай, пиши ему. – Парфенов вернул телефон. – Пиши: нормально заломила. Не будет денег, пойду к ментам.

Сообщение ушло и тут же было прочитано. Руки Маринки так задрожали, что пришлось положить телефон на стол.

– Он меня прибьет, – прошептала она.

– Никто никого не прибьет.

Роднянский что-то набирал и стирал. Кирилл спокойно доел кусок гренки и омлет.

– Напиши, что у тебя есть видео. Типа, в комнате у Светки была спрятана камера.

«Сука», – ответил тут же Роднянский. «Столько бабок

нет», – второе сообщение пришло вслед за первым.

– Ключнул. Пиши: фиг с тобой, давай половину.

– Он спрашивает, где встретимся.

– Где встретимся? – Парфенов на секунду задумался. –
Есть одно хорошее место.

* * *

– Гриша, головой отвечаешь, понял?

– Да понял, понял. Че непонятного? Погнали, Маринка!

Город выбрался из машины, подал руку девушке. Она на секунду замешкалась, а потом решительно последовала за оперативником. Гриша специально для операции вырядился в модные зауженные джинсы, открывающие щиколотки, и цветную футболку с надписью «Fuck THE Police». Приобняв Маринку за талию, молодой оперативник поправил солнцезащитные очки и зашагал в сторону недостроенной многоэтажки.

– Надо было мне идти, – сказал Федя.

– Да, – кивнул Кирилл. – Ты из нас всех больше всего похож на ухажера этой девицы.

– Вот это было обидно, шеф.

– Всем прием, наши входят. До встречи десять минут, готовность номер раз, – сказал в рацию Парфенов.

– Слышь, ты че, стремных сериалов насмотрелась? – вместо приветствия произнес Роднянский, появляясь на площадке второго этажа.

Замороженный недострой открывал вид на все вокруг. Несущие стены давно изрисовали похабными надписями подростки. А где-то выше ночевали бомжи.

– Ты там за речью следи, слышь? – развязным тоном сказал Гриня.

– Ты вообще кто такой? А? Маринка, ты кого притащила?

– Парень мой, – ответила девушка, оглянувшись на Города. – Ты принес?

Роднянский оценивающе рассматривал Гришу, перекатываясь с пятки на носок. Смачно плюнув в сторону, Валерий сказал:

– Видос покажи.

– Вот, – Маринка, как и было условлено, запустила на своем телефоне случайный ролик из интернета.

– Это че за фигня? – Роднянский был вынужден подойти еще ближе, чтобы что-то рассмотреть.

– Работаем! – громко сказал Город, давая команду на захват.

– Итак, Валерий Алексеевич, вы были последним, с кем разговаривала Светлана Лопатина. О чем вы говорили? – задал вопрос Парфенов.

– Адвокат мой где? – Роднянский потер ушибленную во время задержания скулу.

– У вас есть свой адвокат или вызываем государственно-го?

– Своего тащите. С какого я должен башлять, если вы меня вообще тупо ни за что взяли?

– А я говорил, что высшим образованием здесь не пахнет, – сказал Парфенову Егоров.

– У него незаконченное, – отозвался майор. – Федь, позвони в защиту. А мы пока нашего наркобарона в камеру определим.

– Че, типа, прессовать меня будете? Типа, все эти ваши ментовские штучки? – усмехнулся Роднянский.

– Ну почему «типа»? Пальчики мы у тебя взяли, имеем право без адвоката это сделать. Пока ты у нас загораешь, мы их сверим с пальчиками на квартире Лопатиной. Как думаешь, будет совпадение? Опять же у нас есть твои угрозы Лопатиной. За что она тебе задолжала?

Задержанный упрямо молчал, лишь сжимал и разжимал кулаки.

– Кстати, сейчас еще подъедет следователь. Думаю, у него для тебя тоже найдется пара вопросов.

* * *

«Сегодня силами полиции и отряда специального назначения была проведена спецоперация по задержанию подозреваемого в жестоком убийстве студентки. Напоминаем, что три дня назад на съемной квартире одного из спальных районов нашего города было обнаружено тело двадцатилетней Светланы Лопатиной со следами насильственной смерти. На теле девушки обнаружены многочисленные синяки, ссадины, повреждения кожных покровов. Погибшая была жестоко избита и задушена.

В настоящий момент задержанный, оказавшийся студентом того же института, где училась Лопатина, взят под стражу. Он находится в следственном изоляторе номер два.

Как нам стало известно из достоверного источника в полиции, подозреваемый занимался распространением наркотиков, сбывая их в том числе своим однокурсникам.

На данный момент подозреваемый отказывается давать какие-либо показания. Ведутся следственные действия.

Мы и дальше будем следить за ходом данного расследования.

Лина Журавлева эксклюзивно для «Огней».

* * *

– Твою мать! – Парфенов откинулся на спинку кресла и закрыл ладонями лицо.

Чертовы «Огни» не только опубликовали статью, но еще и достали фотографии. Хорошие фотографии. Просто замечательные. Замороженная стройка, микроавтобус спецназа, их служебная машина. И Роднянский в наручниках, которого тащат Гриня и парень из спецов. Спасибо, хоть лица оперативника и задержанного закрыты черными прямоугольниками.

Но откуда эта Журавлева знала, где будет операция?

Глава 4

Ради эксклюзивных фотографий пришлось проторчать в подъезде чужого дома битых два часа. Но Лина совершенно ни о чем не жалела. Это того стоило. Она могла бы опубликовать гораздо больше материала, но тогда подставила бы свой источник наверняка. Они и так ходили по очень тонкой грани дозволенного. В последней переписке ГринСити так и сказал: «Шеф лютует. Палимся». Хотелось, конечно, расспросить самого Парфенова, но он, как и следователь Копылов, наотрез отказался от интервью, отправив в пресс-службу. А из них ничего толком не вытянешь. К тому же общаются они, как дохлые рыбы.

Вообще, это дело вызывало какую-то внутреннюю дрожь. И Лина совсем не понимала, почему так реагирует. Не первый же раз пишет материал по убийству. Может быть, все дело в жестокости?

– Куда это ты намылилась? – прервал ее размышления Славик.

– У меня сеанс. Я же тебе вчера говорила, – объяснила Лина, застегивая на шее неброские бусы.

– И надо обязательно вот так вот наряжаться?

– Как «так»?

Журавлева посмотрела на себя в зеркало. Простое платье, перехваченное тонким серебристым ремешком. Мягкие мо-

касины. И бусы, чтоб не быть совсем уж скучной.

– Как на свиданку, – буркнул Славик. – Зачем тебе психолог? Ты что, психичка? Иди вон с подружками побухай – и все пройдет.

– Кое-что я не собираюсь обсуждать ни с подружками, ни с кем-то еще.

– Кто-то еще – это я? А с каким-то левым мужиком ты можешь обсуждать какие-то там свои секреты? Нормальный расклад! Чем это он так хорош? Может, трахает тебя лучше?

– Замолчи!

– А что это мы так занервничали? А? Что, угадал? – Славик ехидно заухмылялся.

Лина почувствовала, как щеки покраснели. С ней всегда так: то слезы выступят в неподходящий момент, то краснеть начнет, как школьница, застуканная с сигаретой на школьном крыльце. Но если у других это были проявления слабости, стыда или обиды, то Лина в такие моменты бывала крайне разгневана.

– А когда вы с ним того-этого, ты тоже футболку не снимаешь? – продолжал Славик. – Или нет, подожди! Вы ж в кабинете шпилитесь. Там, конечно, раздеваться нельзя. Так, быстрый перепихон...

Пощечина прервала тираду мужчины. Она была такой сильной, что ладонь Лины будто кололи сразу тысячи иголок.

– Не смей говорить со мной в таком тоне! – сказала женщина. – Никогда, ты понял?

– Истеричка долбаная, – пробурчал Славик, держась за щеку.

Едва сдерживаясь, чтобы не наговорить лишнего, Лина подхватила сумочку и вышла из квартиры.

* * *

Женщина чувствовала себя нехорошо. Обида на Славика не давала ей усидеть на месте. Она хмурилась. Но ведь не про Славика говорить она пришла к психоаналитику.

– В прошлый раз вы рассказали о своей неудачной попытке завести друзей, – напомнил Валентин Игоревич.

– О да, попытка была так себе, – кивнула Лина.

– Ну а позже? Когда вы пошли в школу, вы в любом случае попали в коллектив. Вам было трудно найти с другими детьми общий язык?

– Это было, как будто меня высадили на иной планете без средств связи. Но и этого могло бы не быть.

– Почему же? Неужели все было настолько плохо?

Лина закрыла глаза. На ее лице возникла трагическая гримаса. Так хотелось вернуться на машине времени в прошлое и обнять себя маленькую, сказать, что все будет хорошо. А еще лучше – забрать саму себя далеко-далеко и дать вырасти нормальным человеком.

– Тут, наверное, надо по порядку рассказывать. – Журавлева открыла глаза, отпила предложенной минералки и

откинулась на спинку самого удобного кресла, которое ей только попадалось.

* * *

– Нужно сказать «спасибо» за то, что во времена моего детства существовало такое понятие, как «всеобуч». Все дети, достигшие школьного возраста, были обязаны посещать школу. За этим следили очень строго. Помню, видела из окна, как мать через закрытую калитку разговаривает со строго одетой женщиной. Я сначала думала, что она такая, как мы. Но потом увидела, что, несмотря на строгий костюм, у нее накрашены губы и подведены глаза. А на лацкане поблескивает какая-то брошка. Впрочем, половины этих слов я не знала, и это были лишь ощущения перемен в моей маленькой жизни.

Мать вернулась после разговора очень сердитой. Я замерла, сидя на своей кровати, притворяясь, что читаю Евангелие. Если бы родители поняли, что все это время я таращилась в окно, наблюдая за происходящим, мне была бы обеспечена трепка.

– Надо отдавать ее в школу, – сказала мать.

– Зачем? – спросил отец.

– Эта так и будет сюда ходить. Уже два раза приходила.

Они говорили еще о чем-то, но я уже не вникала. Слово «школа» перекатывалось у меня в голове. Никто со мной

не разговаривал про школу. Научили читать по Библии, научили считать, научили быстро запоминать и пересказывать длинные скучные тексты. Научили усидчивости. На этом мое образование должно было быть оконченным. Ну, может быть, еще я бы выучилась варить постные щи и шить на машинке. Все.

Для меня целым событием был выход на базар. Мать цепко держала меня за руку, а я по возможности старалась не глазеть по сторонам. Это было очень сложно. И стоило мне поднять глаза на какой-нибудь яркий прилавок с развалами игрушек, одежды или даже обычной посуды, мать тут же держала меня за руку, будто собираясь выдернуть ее из суставов. Хотя, может быть, так оно и было.

Мне купили платье. Тогда оно казалось очень красивым. Темно-синее, на целую ладонь выше щиколотки. С блестящей металлической пуговкой на воротнике сзади. Пуговку мать дома отпоролла и пришила на ее место обычную черную. Куда она дела ту красивую, я не знала и втайне вздыхала. Еще мне купили портфель. Тоже темный. На нем была нарисована какая-то совершенно фантастическая машинка. Такие не ездили по нашей деревне. Отец тщательно соскреб ее, оставив на этом месте уродливое размазанное пятно.

Прилежно сидя за столом, я, что хватало легких, вдыхала запах купленных тетрадей. Зеленые обложки и поля, которые требовалось расчертить красным карандашом. Одна шариковая ручка. Один простой карандаш. Короткая дере-

вянная линейка, которую я побаивалась.

И это все для меня! Столько обновок мне не доставалось никогда. Совершенное богатство. Вполне легальное, не как тот осколок фарфоровой тарелки с цветочком, который я нашла на улице год назад. Тогда мать брала меня, чтобы купить башмаки. Я долго любовалась на тонкую роспись на белом треугольном осколке. А потом это увидел отец, и меня ожидала всенощная одиночная служба, чтобы замаливать свой грех.

Наверное, в тот день, первого сентября, я стала взрослой. В семь лет. Мне велели одеться в черные колготки, черные, почти мальчишечьи туфли, в новое темно-синее платье. Никаких белых бантов. Никаких гольфиков с оборочкой. Никаких цветов для первой учительницы. Никакого праздника.

Я, собственно, не осознавала, что вот этот день должен стать для меня праздником. Мне следовало просто идти в школу. Неведомое и немного пугающее место, к которому меня совершенно никак не готовили.

Мать выставила меня за ворота и сказала идти. Сопроводить меня в этом важном деле никто не собирался. Впервые я оказалась предоставлена самой себе. Относительно, конечно.

Где располагается школа, я примерно представляла. Вцепившись в лямки новенького, такого красивого, как мне казалось, портфеля, я зашагала по улице. Пару раз оглянулась, но наша калитка так и осталась запертой.

А потом я увидела своих будущих одноклассников. Впереди шла красивая женщина и вела за руки красивых девочек. Они были так похожи друг на друга, что я не поверила сама себе. Долгое время существование близнецов было для меня чудом.

Они шли такие яркие! Их волосы были чуть завиты и шикарными локонами спадали на плечи. У обеих были огромные воздушные банты на головах. Такого белого цвета, что слепили на солнце глаза. И нарядные белые блузочки. И туфельки с пряжками. И розовые ранцы с картинками, которые почему-то никто и не подумал стирать. А еще эти девочки несли по маленькому букетику астр. Большие бутоны, фиолетовые, розовые, желтые, покачивались в такт их шагам.

Я, замороженная красотой, шла за ними. И чем ближе мы подходили к школе, откуда неслась музыка, тем больше нарядных, шумных, веселых людей мне встречалось.

С каждым шагом мне становилось нехорошо. Мне стало так страшно, что я хотела уже повернуться и побежать домой. И никогда больше не выходить за порог.

Все казалось странным и непонятным. И эти люди, и флажки, украшающие школьное крыльцо, и веселые песни с непонятными словами. Я была чужой здесь.

Чужой и уродливой. Я поняла это. Ведь никто, кроме меня, не пришел в черном. Волосы просто собраны в косу и схвачены обычной резинкой.

Я стояла у ворот школы, не в силах идти дальше. На глазах

выступили слезы, защипало в носу.

Маленькая потерянная девочка, которой точно не было здесь места. Люди обходили меня, как неудобно растущее дерево. Кто-то оборачивался. Кто-то из детей тыкал в мою сторону пальцем и смеялся. Взрослые неодобрительно показывали головой.

Какая-то женщина вышла на крыльцо и строгим взглядом обвела школьный двор. Я все еще стояла у ворот, не решаясь ни войти, ни сбежать. Это была моя первая учительница. Она быстро подошла ко мне, спросила фамилию и повела в класс. Наверное, как я поняла позже, ей про меня кто-то рассказал.

На первой школьной фотографии я стояла в последнем ряду с самого края, так что левый рукав даже не вошел в кадр. Впрочем, на последующих фотографиях я тоже не была в центре.

Так начались мои школьные годы.

* * *

– Неужели ваши родители игнорировали школу? Ведь есть же все эти родительские собрания, внеклассные мероприятия?

– О! Моя мать только однажды переступила порог школы. На третьей неделе моего первого класса. И лишь потому, что я в который раз передала ей слова учительницы про форму для физкультуры.

– Что бы ни говорили, а физкультура нужна. Тем более в начальной школе. Нужно же куда-то девать столько энергии.

– Моя мать могла бы с вами поспорить, – криво усмехнулась Лина. – И готова спорить на что угодно, вы бы этот спор проиграли. Потому что, когда она вышла от директора, моя классная забыла про форму и про спорт для меня.

Валентин Игоревич поправил на переносице очки в золоченой оправе.

– Хорошо, оставим пока спорт. А как вас воспринял коллектив? И как вы адаптировались в детской компании?

– Я понятия не имела, что значит дружить. Никогда прежде меня не окружало столько разных, чужих людей. Говорю же, меня высадили если не на другой планете, то уж точно на другом острове.

* * *

– Меня посадили на последнюю парту. Это вышло само собой, ведь я, мягко говоря, опоздала на самый первый урок. Я сидела и ошалело озиралась. Оказалось, существуют яркие цвета, которыми можно покрасить стены. Есть большие светлые окна, закрытые лишь прозрачным тюлем. А цветы могут расти в помещении в горшках. Все мне казалось частью какого-то сна.

Учительница стояла у доски и писала по ней мелом. Белые буквы на коричневом фоне. Это было так красиво. Она спро-

сила, кто может прочесть написанное. Я шепотом, себе под нос, прочитала. Но так и не решилась повысить голос, чтобы она меня услышала. Потому что повышать голос – грех.

Когда прозвучал звонок, от звука которого я вздрогнула всем телом, дети сорвались со своих мест. Они носились по классу, задирали друг друга, знакомились. Подходили к учительнице и что-то рассказывали. Я тоже встала, прошлась между рядами. Меня пару раз толкнули, втягивая в игру. Вот только я знала, что нужно подставить другую щеку, если тебя ударили. Просто не реагировала, улыбаясь и опуская глаза.

Потом ко мне потеряли интерес. А потом снова стали его проявлять, только уже не с тем, чтобы поиграть со мной или подружиться. С первого до последнего класса я была изгоем. Объектом постоянных насмешек. Меня дергали за косу, пихали локтями. Дразнили за уродливое платье и обувь. И жуткие колготки, которые полагалось носить в жару и холод. Долгие годы меня называли Монашкой.

А я училась не замечать других людей. Но проще сказать, чем сделать. Потому что они были другими, такими, какой мне никогда не стать. Свободные, красивые, громко говорящие и громко смеющиеся. Втайне, глубоко внутри, я им завидовала.

* * *

– Я заметил, что вы сегодня чем-то расстроены. Не хотите

поговорить об этом?

– Это не про детство, – ответила Лина.

– Открою вам маленькую профессиональную тайну, но только вам, не для печати. – Валентин Игоревич доверительно подался вперед.

Лина заинтересованно повторила его жест. Журналистка в ней всегда была готова выслушать историю.

– Не все наши проблемы гнездятся в детстве, – сказал Валентин Игоревич. – Они, эти проблемы и триггеры, имеют свойство приключаться с человеком на протяжении всей его жизни. Давайте проговорим вашу нынешнюю ситуацию. Если вы, конечно, не против.

– Я ударила человека, – после минутного молчания сказала Лина.

– Какого человека?

– Славика. Это мой...

– Партнер? – предположил, уловив заминку, психолог.

– Я хотела сказать «сожитель». Но это слово звучит как откуда-то из криминальной хроники.

– За что же вы ударили Славика?

– За то, что он сказал. И как он это сказал.

– Сильно?

– По щеке. – Лина посмотрела на свою ладонь, как будто там могли остаться следы.

– И что в этой ситуации вас напрягает больше всего? То, что вы ударили своего партнера? Или то, что он вам нагово-

рил?

– Наговорил он явную чушь, – попыталась отмахнуться женщина.

– Тогда первое, – кивнул Валентин Игоревич. – Итак, вас беспокоит именно насилие. У вас часто случаются вспышки агрессии?

– За тридцать пять лет я впервые ударила человека, который не причинил мне физического вреда, – призналась Лина. – И это меня саму несколько удивляет, если учесть, что с насилием я знакома не понаслышке.

– Я помню, школьная линейка.

– Если вы думаете, что школьная линейка для битья по пальцам – самое страшное, что со мной случалось, вы очень глубоко ошибаетесь.

Лина вздохнула. Ей было сложно говорить, но еще сложнее было не рассказывать. После сеансов с психоаналитиком в ее голове будто прояснялось, и она начинала видеть произошедшее в несколько другом свете. Журавлева отпила воды.

* * *

– Большинство людей, если их спросить, не любили школу. Всеми силами старались ее прогулять, остаться дома, поваляться в теплой постельке или, еще лучше, пойти гулять. Никаких уроков, никаких учителей, пристающих с домаш-

ним заданием и дурацкими вопросами. Многие, очень многие не вспоминают о проведенных за партой годах как о чем-то чудесном. Все помнят детство, пару-тройку друзей – и только.

Но не я. Для меня школа стала настоящим открытием. Оказалось, что есть на свете много чего такого, о чем я не догадывалась. Об этом не писали в Библии и в Евангелиях. Об этом не было молитв в требнике. Этого невозможно было разглядеть на иконах.

Пока мои одноклассники выводили палочки и крючочки в прописях, я листала букварь. Разглядывала яркие картинки, читала коротенькие сказки. В семь лет я была в восторге от этих ясельных сказок про колобка и репку. А еще в учебниках говорилось про загадочные фрукты, какие-то страны и города. Тогда моя маленькая жизнь расширилась до неимоверных размеров.

Может быть, подумалось мне, мама и папа просто не знают того, что знаю я? Что вот тот шар на ножке, сине-коричневый, со странными неровными пятнами, с белой верхушкой и донышком, с мелкими-мелкими надписями, называется «глобус». А глобус – это наша планета, на которой мы все живем. Она очень большая.

В тот день я шла домой, убежденная, что несу полезные знания, почти откровения. Ими необходимо было поделиться с родителями. Что я и сделала, едва переступив порог. Восторженно я пыталась рассказать, как много нового узна-

ла в школе. Что нас водили в школьную библиотеку и я читала книгу вслух. И библиотекарь – худая женщина, одетая в две кофты – погладила меня по голове.

– Не смей! – зашипела на меня мать. – Не смей произносить скверну в этом доме!

– Это детская книга про животных...

Она ударила меня по губам. От неожиданности я прикусила язык, а шатающийся молочный зуб выпал, и я его машинально проглотила. Во рту стало солоно от крови.

– И в дом не смей таскать эту дрянь. Есть только эти книги. – Палец матери указал на полочку с Библией и прочим. – Остальное от лукавого! В них нет правды! Нет Бога!

Меня снова наказали. Сначала все той же линейкой, а потом отец пару раз хлестанул ремнем по заднице, чтобы лучше поняла.

Книг я в дом не носила. Читала в библиотеке, на переменах под насмешки одноклассников, украдкой под партой на уроках.

К третьему классу эта история немного подзабылась, хотя доставалось мне ремнем уже чаще. То плохо прополю картошку, то вернусь не вовремя со школы, то недостаточно чисто вымою пол. У меня было много послушаний. А еще уроки, обязательные молитвы, вышивка икон для храма. Слишком много забот для маленькой девочки. Слишком много поводов быть наказанной.

Однажды, на уроке природоведения, я испытала настоя-

щий шок. Мне было девять лет, когда я узнала, что есть иные теории происхождения жизни на Земле. В моей семье была лишь одна – нас по образу и подобию своему сотворил Бог. Он же прогневался на перволюдей за их грехи, прогнал из Рая, и теперь все мы должны всеми силами вымаливать Его прощение. Иначе – Преисподняя с вечными муками и зубовным скрежетом.

Но все не так. Никто до сих пор не знает, откуда мы взялись. Так сказала учительница. Она рассказала про теорию какого-то Дарвина, про внеземную теорию развития жизни, что-то еще про развитие всех организмов, от самых простых до человека. И назвала человека венцом природы. Это было страшно, захватывающе, волнительно, непонятно.

Мне просто необходимо было как-то уложить в своей голове все, что я узнала. И я пошла за советом к отцу. Тогда я любила его больше, не понимая, что его «доброта» – всего лишь равнодушие. Он выслушал меня. А потом взял за ворот школьного платья и подвел к матери, которая возилась у печи.

– Бесовка! – орала мать, когда отец, крестясь через слово, пересказал ей мою пылкую речь.

– Пропащая! – вторил отец.

Я была готова расплакаться. Отец толкнул меня матери, начав вытаскивать ремень из брюк. Мое тело догадывалось, что будет после. Внутренне я вся сжалась. Но мне было уготовано нечто иное.

Мать грубо стащила с меня платье и швырнула на кровать, как куклу, которой у меня никогда не было. Поясом от платья она привязала мои руки к спинке. Через плечо я оглядывалась на подходящего отца. Мать отошла к плите.

Не помню, сколько раз он ударил меня. Не меньше трех наверняка. Бил сильно. От боли я вцепилась в подушку и порвала наволочку. Потом мне досталось и за это тоже.

Мать накалила на плите вилку и приложила раскаленный металл к моей спине. От боли и страха я потеряла сознание.

На следующий день я не пошла в школу, потому что просто не смогла надеть платье. Никто меня не гнал, как можно догадаться. Если бы я вообще туда не ходила, родителей бы это не слишком беспокоило.

Никакого врача мне не вызвали, никакой мазью не намазали горящую огнем спину. Справку о том, почему меня не было в школе, учительница, конечно, потребовала. Но я не принесла ее ни на следующий день, ни через два дня. Вообще не принесла, потом от меня отстали. Сами знаете, что было в середине девяностых, – как бы достать денег или хотя бы еды для своей семьи, чего соваться в чужую.

Для себя же я четко поняла одно – никогда больше я ничего не расскажу родителям. Все, что происходит в школе, там и останется.

Но если вы думаете, что пороть меня перестали, вы ошибаетесь. На моей коже есть шрамы не только от раскаленной вилки.

* * *

– Господи... – не сдержался Валентин Игоревич. – Простите. Но в голове не укладывается, насколько люди могут быть жестокими по отношению к своим детям.

– Да, жестокости в моем тогдашнем мире хватило бы на многих, а досталось мне. – Лина тряхнула головой.

– Вы молодец, Лина. Правда, молодец. Немногие справляются с таким настолько успешно. Люди часто ломаются психологически, не видят иного способа жить. Им просто необходимо либо быть жертвой, либо подавлять всех вокруг себя. У вас получилось найти свой путь.

– И все-таки я ударила Славика. Я хотела, чтобы ему было больно.

– Знаете, я не одобряю насилие как таковое, однако есть ситуации, когда без этого просто не обойтись. Возможно, это была ваша защитная реакция на выпад со стороны вашего партнера? Попробуйте сесть и, как взрослые люди, обсудить произошедшее.

* * *

– Это твой психолог, – Славик показал в воздухе кавычки, – посоветовал? Че тут обсуждать? У тебя скоро месяч-

ные, вот ты и поехала.

– Я «поехала», как ты выражаешься, потому что ты наговорил кучу гадостей.

Лина пришла домой спокойной, готовой простить Славику его грубость. Она даже купила по дороге его любимые эклеры с вареной сгущенкой. Он милый, действительно милый. У него бывают смешные шутки.

И вот почти с порога они снова ссорятся.

– А что я должен думать?

– Что твоей женщине хочется стать самой собой.

– О! – протянул Славик, закатывая глаза. – Вот теперь все понятно! Теперь-то все точно понятно.

– Что тебе понятно?

– Что ты стареешь! Тебя потянуло на саморазвитие, на разборки с собой, на вот такие идиотские ниочемные разговоры. Бла-бла-бла, я хочу стать лучшей версией себя. Мне нужно думать о том, что я на самом деле хочу от жизни. И всякая такая ересь, которую тоннами пишут в интернете. Только тупицы ведутся на этот лохотрон!

Лина не знала что ответить. Она смотрела на мужчину, с которым делила дом, постель и, как ей казалось, жизнь, и не узнавала его. Слова больно ранили, звоном отзываясь внутри. И им начинал вторить внутренний голос, который Журавлева периодически затыкала.

– Значит, я стареющая тупица? – переспросила она.

– Алло, мать! – Славик помахал перед ее лицом ладо-

нюю. – Тебе далеко за тридцатник. Ты, что ли, молодеешь? Еще год-другой – и все, можно списывать.

– Пошел вон, – тихо сказала Лина, глядя на пол.

– Чего? – опешил Славик.

– Пошел вон из моей квартиры, – повторила женщина.

С полминуты мужчина не двигался. Он смотрел на Лину и переваривал услышанное. Потом встал, навис над ней:

– Ты серьезно?

Лина подняла на него взгляд. Ей снова захотелось его ударить.

– Ну-ну, – грозно сказал Славик, отправляясь в комнату.

Было слышно, как он открыл шкаф, швырнул на кровать свою сумку. Вот скрежещут по стойке металлические вешалки-плечики. Что-то невнятно бубнит Славик. Он прошел в ванную и вышел, неся свои вещи. С шумом захлопнул ноутбук. Зашуршали молнии на сумке и кофре.

Лина сидела и краем сознания отмечала все эти звуки. Ее жизнь менялась. Менялась ли так, как она хотела, или менялась так, что после только катастрофа?

Славик в прихожей. Задрал ногу на обувную полку и натягивает кроссовки. «Как же это бесит», – отвлеченно подумала Лина.

– Ты останешься никому не нужной старухой! Одинокой сумасшедшей бабкой. Потому что, кроме меня, никто тебя терпеть не будет! Идиотка! – сказал Славик, подхватил вещи и на прощание хлопнул дверью.

Она осталась одна. В своей маленькой квартире в большом городе. Лина заплакала.

Глава 5

Операция по задержанию прошла отлично. Ребята сработали хорошо, почти не повредив подозреваемого. Его отпечатки пальцев совпали с отпечатками пальцев, снятых в квартире убитой Лопатиной. Роднянский последним разговаривал с убитой по телефону. Он требовал с нее денег явно за наркотики.

И он молчал. Ничего, кроме этих косвенных улик, у них на него не было. Пустота. Это понимал Парфенов. Это понимал следователь Копылов. Это понимал сам Роднянский с подсказки своего адвоката, которого ему кто-то прислал.

Допросы проходили впустую, задержанный ни в чем не признавался. Но алиби на день убийства у него не было. По крайней мере, о нем он тоже молчал.

– Зачем вы пришли на встречу с Мариной Иванцовой, если вам нечего скрывать? – спрашивал майор Парфенов.

– Прошу отметить, что сама эта встреча была полностью полицейской провокацией, – вставил адвокат, присутствующий на допросе.

– Ваш клиент будет отвечать на вопрос? Почему он согласился заплатить?

– Вы нашли у него деньги при задержании? Нет. Валерий Алексеевич никому ничего не собирался платить. Его появление на стройке было продиктовано любопытством. А

за любопытство статьи в Уголовном кодексе нет.

– У него при задержании изъяли нож.

– Изъяли, – кивнул адвокат. – Но длина лезвия не больше десяти сантиметров. Да и не в полном смысле это нож. Скорее мультитул, там и отвертка, и штопор, и ножнички. Очень полезная вещь.

– А крупинки наркотического вещества, обнаруженные нашими экспертами в карманах господина Роднянского? Это вы или ваш клиент можете объяснить?

– Каков общий вес этих крупинок? Вряд ли тянет на «хранение», не говоря уж о «распространении и сбыте». К тому же не доказано, что мой клиент вообще имеет отношение к этим крупинкам. Они могли попасть к нему в карман в метро, например. Или в гардеробе института. Вам нечего предъявить, товарищ майор.

И чертов адвокат был прав! Тысячу раз прав! У них не было ничего, чтобы посадить Роднянского.

* * *

Парфенов повернулся на другой бок. Простыня под ним скомкалась. Кирилл посмотрел на будильник. Начало седьмого, скоро вставать.

– Ты не спишь, что ли? – удивился дежурный, когда Парфенов поднял трубку после первого гудка.

– Сплю. Вот прям с трубкой у уха и сплю. Чего случилось?

– Сейчас из соседнего района позвонили, там у них труп.

– Отлично! Я за них, конечно, попереживаю. Ты мне из-за этого решил позвонить?

– Да ты дослушай. У них тоже девушка запоротая. Про Лопатину-то все уже знают, так что как только на тело посмотрели, так сразу в Главк. Мол, это серия, пусть группа Парфенова выезжает.

– Адрес мне диктуй. – Кирилл уже успел надеть носки и брюки.

– Ага. Пиши.

* * *

Дежавю. Только не было удушающего запаха, как в прошлый раз. И больше людей находилось в небольшой квартирке на окраине спального района, примыкающего к промзоне. Почти у двери жались две женщины в халатах поверх ночных рубашек, одна старше, другая младше, но похожие друг на друга. Игнатьич оказался дежурным по городу, поэтому был уже на месте. Кирилл заподозрил, что именно эксперт напомнил про Лопатину. Но ведь все равно это дело спихнули им.

– Здорово, – сказал, выходя из кухни, майор Иголкин.

– Здорово. – Парфенов пожал протянутую руку. – Рассказывай.

– Я закончил. Можно пойду? – Из кухни вышел пожилой

мужчина в рабочей одежде.

– Да, спасибо, – разрешил Иголкин и, заметив вопросительный взгляд коллеги, пояснил: – Это местный сантехник.

– Предельно понятно, – кивнул Кирилл.

– Короче, – Иголкин почесал нос, – слушай вводную.

* * *

Из-за духоты были распахнуты все окна, но сквозняка почти не ощущалось. Спать невозможно, а завтра будний день и Лиле вставать на смену. Женщина разметалась на кровати, завистливо слушая, как в соседней комнате похрапывает мать-пенсионерка.

С тихим мурчанием на постель запрыгнула кошка. Долго выбирала себе место и улеглась, прижавшись горячим пушистым тельцем к боку Лили.

– Нет, Бася, иди отсюда, – пробурчала Лиля, сталкивая животное.

Второй час ночи, через четыре часа зазвенит будильник, а сон все не шел. Лиля крутилась на кровати, маялась. Но идти теперь пить валерьянку или пустырник, чтобы уснуть, не имело смысла – весь день проходишь с больной головой.

Бася вздумала резвиться. Кошка – все-таки ночной хищник. Она с мявканьем носилась по коридору, скребла когтями линолеум, прыгала на стены. Складывалось впечатление, что в нее вселился бесенок. Лиля приглушенно шикнула на

кошку, но та ее проигнорировала.

Крепко закрыв глаза, женщина отвернулась к стенке. Приказала мышцам расслабиться и наконец уснуть. Но кошачий топот оказался слишком навязчивым. Бася носилась по коридору, пробуксовывая, забегая то в одну, то в другую комнату.

– Да в конце концов, будет в этом доме покой?! – проснулась Лилина мать.

– Сейчас я посмотрю, с чем она играет. – Безмолвно стоящая, Лиля поднялась с постели.

Из коридора выбежала на очередном круге Бася и врезалась в ноги хозяйки. Та чуть не упала, но ухватилась за стену.

– А ну брысь!

Лиля сделала еще один шаг в коридор. И ее босая ступня угодила в холодную лужу. «Нассала, скотина», – подумала Лиля. Зашарив по стене ладонью, она добралась до выключателя и включила свет.

– Твою мать! – выругалась женщина.

– Чего ты орешь? – Из своей комнаты показалась мать, запахивающая халат.

А из их кухни по полу тек ручей. Вода собиралась у небольшого порожка и выбегала в коридор. Именно с этим ручейком надумала играть Бася.

Стало совсем не до сна. Лиля, шепотом матерясь, прошла в кухню. Ее мать полезла в ванную, где хранилось ведро с тряпкой.

– Это не у нас прорвало! – сообщила Лиля.

Вода текла с потолка по стене над раковиной, только чу- дом не затекая к люстре. Обои на месте потока вздулись. Ча- стично намок подвесной шкафчик. А на потолке мутными разводами пошла водоэмульсионная краска.

– Вот сучка! – Мать Лили заглянула на кухню, оценивая ущерб. – Вот я ей сейчас устрою сладкую жизнь!

Пожилая женщина переобула домашние тапочки на та- почки, в которых не жалко ходить по подъезду и даже вы- брасывать мусор. Громко проклиная нерадивую соседку, она поднялась на этаж выше. Лили принялась собирать воду в ведро.

На стук никто не открывал. Кулак уже побаливал от уда- ров. Звонок разрывал тишину квартиры.

– Вот же гадина! Поди, умотала куда-то! Открывай! Ты что там творишь?! И ведь никому больше дела нет! Все как вымерли. Хоть полдома вынеси, никто не почешется.

В подъезде действительно не хлопнула ни одна дверь, ни- кто не высунулся и не спросил, что происходит и почему не дают спать. Потоптавшись еще пару минут, продолжая ру- гать на чем свет стоит всех соседей без исключения, женщи- на спустилась домой.

Бася сидела на шкафу в прихожей и, посверкивая зелены- ми глазами, следила за Лилей. А сама Лилия уже вылила пол- ное ведро в унитаз и продолжила локальную борьбу со сти- хией.

– Что? – спросила она, выжимая над ведром тряпку.

– Ничего! Где у нас телефон аварийки? Что я, теперь эту потаскуху буду ждать? Пусть перекрывают стояк.

Сантехник, заспанный мужичок, от которого пахло потом и перегаром, появился у них спустя еще полчаса. Обои были безнадежно испорчены, задняя стенка подвесного шкафчика вздулась. Бася мирно спала на шкафу, укутавшись в свой шикарный пушистый хвост.

– Так там свет горит, – заявил сантехник в ответ на просьбу перекрыть стояк. – Значит, кто-то есть дома.

– Да она усвистела к своим хахалям! Я что, теперь буду все время воду вычерпывать? – уперев руки в бока, вопрошала Лилина мать.

– А вдруг человеку плохо? – предположил сантехник. – Пошла мыться, поскользнулась, упала, ударилась и лежит там без сознания. Или вообще того. – Он крест-накрест сложил на груди руки и закрыл глаза.

– Вы сейчас нам что предлагаете? Сидеть и гадать? Четвертый час ночи. У меня смена в полвосьмого. Делайте уже что-нибудь!

Лилия чувствовала, что глаза закрываются. От света хотелось щуриться. Она подумала, что коснись сейчас подушки, моментально уснет.

– Ну зачем же гадать? Сейчас участкового вызову. И Ленку-слесаря. А там и воду вам перекроем. Ну что вы так переживаете?

Еще минут сорок ушло на то, чтобы появился злой заспанный участковый и балагуриящий не по делу Ленька. Участковый попытался достучаться к соседке, но и ему не открыли.

– Давай уже, – кивнул он на дверь.

– Это мы завсегда! Нас медом не корми, дай чужую дверь вскрыть! – сказал Ленька. – Только ты это, чего не подумай. Это мы так шуткуем.

На шум и разговоры наконец выглянул сосед из квартиры напротив. Увидев разношерстную компанию, он тут же юркнул обратно и больше не показывался.

– Готово! Принимай работу, плати копейку, а то и от рюмочки не откажемся. Да, Сан Саныч?

– Гражданочка! На вас соседи жалуются, затопляете вы их. – Участковый отстранил Леньку и пошел в квартиру.

Лиля стояла на лестнице, ожидая результата. Была четверть пятого. На улице начинало светать. Ей хотелось сесть на ступеньки и уснуть. В глаза будто насыпали песка.

Из квартиры вышел участковый с перекошенным лицом. Трясущимися пальцами он вынул из кармана сигареты.

– Ну чего там? – спросил сантехник Сан Саныча. – Утопла?

– Лучше бы утопла, – пробурчал, прикуривая, полицейский.

А потом стало вообще не до сна. Участковый позвонил в дежурку. Ленька все-таки пошел в подвал и перекрыл стояк. Ему было приказано никуда не уходить. Лилия тяжело взды-

хала.

К пяти подъехали дежурный по городу, дежурный по району, Игнатич с командой. В подъезде стало оживленнее. Где-то сверху и снизу хлопали двери. Соседи стали выглядывать и подсматривать в глазки.

В квартире на кровати лежала обнаженная девушка с привязанными за изголовье руками. Мертвая обнаженная девушка.

* * *

– И вот мы здесь, – сказал Парфенов.

– И вот мы здесь, – эхом отозвался Иголкин. – Пойдем, на труп глянешь. При жизни ее звали Вероника Павловна Мацкевич.

На кровати была распята обнаженная девушка. Ее запястья были пристегнуты к изголовью наручниками, браслеты которых украшал искусственный розовый мех. Ноги сильно разведены в стороны и за щиколотки привязаны тонкими поясками к ножкам кровати.

Вся спина, руки, бедра, ягодицы, икры исполосованы. Через всю спину, по диагонали, пришелся самый сильный удар – кожа лопнула.

– Голову подними, – сказал Иголкин, пихая Кирилла в бок.

– Твою ж мать!

На потолке застыли кровавые брызги. Такие же были на стенах, шкафу, белом пушистом прикроватном коврикe, на тумбочке, на брошенных на пол вещах.

Оперативники стояли на пороге комнаты, не мешая рабoтать экспертам. Но даже отсюда Парфенов понял, что его вызвали не зря – это весьма напоминало дело Светы Лопатиной.

– Игнатьич, – позвал Парфенов. – Что?

– Могу почти под копирку переписать отчет, если тебе надо быстро, – сказал, подходя, эксперт. – Девушка сначала обездвижена, потом ей нанесены ранения, а после ее задушили. Но к тому времени, думаю, она уже находилась без сознания. Очень большая кровопотеря, болевой шок.

– Время смерти?

– Наверняка не скажу, но сутки она так лежит точно.

– В это время Роднянский уже загорал у нас. Да твою ж мать! – Парфенов снова выругался.

– Кто? – спросил Иголкин.

– Теперь неважно, – отмахнулся Парфенов.

Привязать мелкого наркоторговца к смерти Мацкевич невозможно, а это убийство один в один похоже на убийство Лопатиной. Значит, и Лопатину Роднянский не убивал. Если, конечно, исключить, что он мог действовать с кем-то заодно. Кирилл вздохнул и провел ладонью по лицу, прогоняя непродуктивные мысли.

– Поквартирный опрос? – спросил он Иголкина.

– Мои ребята пошли, пока ничего.

– Хорошо, сейчас мои подъедут и присоединятся. Игнатьич, телефон, вещи Мацкевич можно трогать?

– Могу дать только ее сотовый, с остального не сняты пальчики.

– Давай. Хотя бы последние вызовы проверим.

– И еще есть кое-что, что мне не нравится, – нахмурился эксперт. – Да и тебе не понравится.

– Игнатьич, ты меня пугаешь.

– Сейчас вот тут, – Игнатьич показал пальцем, где именно, – осторожненько пройди.

Кирилл подошел к кровати. Эксперт молча кивнул на прикроватную тумбочку.

– «Блудница. Мерзость в глазах Господа», – прочитал Кирилл записку, оставленную в раскрытом блокноте.

– Можешь за уголки взять, – разрешил Игнатьич.

Майор аккуратно взял блокнот. Обложка с перламутровым единорогом, парящим в облаках. Переливчатая радуга. «Dream come true» – леттерингом снизу.

– Я мельком смотрел, там записи разные. Явно девчачий блокнотик, – сказал эксперт.

– Но вот эту вот запись нам оставили. – Парфенов стал мрачен. – Игнатьич, блокнот по полной отработаете?

– Обижаешь, Кир Андреич.

– Итак, что мы имеем.

Кирилл стоял у окна своего кабинета. Пока солнце еще не перебралось на эту сторону и в окно дул приятный ветерок. Город и Егоров сидели за столом.

– Убитая Мацкевич Вероника Павловна, двадцать два года. Работала официанткой в ночном клубе «Пеликан». Жила одна в квартире, которая ей досталась от бабушки. Время смерти – ночь со вторника на среду, примерно около часа – часа тридцати. Причина смерти – механическая асфиксия. Плюс большая кровопотеря, осадненные раны, рваная рана на спине, многочисленные гематомы, разрывы кожных покровов, потертые раны от связывания, ну и так далее. Игнатич на два листа описание сделал.

– А чем ее так? – спросил Гриша.

– Как и в случае с Лопатиной, скорее всего широкий кожаный ремень. Типа солдатского, – ответил Парфенов. – Так, что еще? Во рту обнаружены трусы, вероятно, убитой. Они служили кляпом.

– Изнасилование?

– Никаких следов, – качнул головой Кирилл. – По крайней мере ни на убитой, ни на кровати, ни где бы то ни было в квартире спермы не обнаружено. Может, себе в штаны спустил.

– Это что получается, если Мацкевич убили со вторника на среду, то это не Роднянский? – спросил Федя, до этого смотревший на перекидной календарь на столе Парфенова.

– Вот ты тормоз, – хмыкнул Город.

– Не Роднянский, – подтвердил майор.

– И че с ним теперь? – не унимался Егоров.

– Мы, – сделал ударение Парфенов, – с Роднянским закончили. Пусть им теперь занимается наркоконтроль.

– Фига на шару нарики палку срубили, – сказал Гриня. – А мы как всегда мимо.

– А тебе орден за операцию надо или медаль? – подколот Федор.

– Лучше бы премию...

– Закончили рефлексировать, – прервал подчиненных Кирилл. – У нас работы выше крыши, и Копылов лютует. Гриша, на тебе контакты Мацкевич. Все. Телефон, сети, мессенджеры. Федя, у тебя – знакомые, родственники, подружки, приятели, парни. А я сейчас в «Пеликан», потом к Копылову, к Игнатьичу еще заскочу, наверное. К шести вечера жду вас здесь же. Вопросы есть?

– Шеф, а у нас маньяк?

– Да, Гриша, похоже, у нас маньяк.

– Фигово.

– Может, и не маньяк, – запротестовал Егоров. – Ну, мы же не знаем, может, Лопатина и Мацкевич были знакомы? И у них был общий недоброжелатель.

– Недоброжелатель, – тихо повторил Гриня, не сдержав улыбку.

– И, короче, мог так девчонкам за что-нибудь отомстить. Лопатина, например, в «Пеликан» ходила сниматься, а ему отказала. А потом он к Мацкевич попытался клеиться, и она его отшила. Вот он их выследил и обоих наказал.

– Мотив, конечно, так себе, – сказал Парфенов. – Но на знакомство обеих жертв проверить нужно. В «Пеликане» наверняка есть камеры наблюдения, я просмотрю. А вы фотку Лопатиной возьмите и знакомым Мацкевич покажите. Вдруг действительно всплывет что-то общее.

* * *

«Очередное кровавое, поражающее своей жестокостью убийство было совершено в нашем городе. Один из тихих, благополучных спальных районов стал местом по-настоящему страшной расправы над молодой девушкой.

Убитой было нанесено в общей сложности более пятидесяти ударов ремнем. Девушка получила два перелома ребер, разрыв кожных покровов, ушибы мягких тканей. После нечеловеческих истязаний она была задушена.

С задержанного по подозрению в совершении аналогичного убийства, потрясшего город на прошлой неделе, сняты обвинения. Однако следствие выяснило, что данный молодой человек занимался распространением запрещенных ве-

ществ, и теперь его судьбой займются представители антинаркотического ведомства.

С уверенностью можно утверждать, что в нашем городе действует серийный убийца, на счету которого уже две загубленные молодые жизни. Полные планов и мечтаний девушки погибли от жестоких побоев.

Достоверно известно, что полиция на данный момент не располагает никакими данными относительно того, кто мог совершить преступления. Это значит, что все мы не можем оставаться спокойными и безучастными. Мы, жители города, требуем от властей, от полиции решительных действий.

Лина Журавлева эксклюзивно для «Огней».

* * *

Коллеги уважительно поглядывали на Лину, когда она шла к редактору. Игорь Семенович встретил ее у дверей своего кабинета.

– Заходи! Заходи! Давай вот сюда вот садись. – Редактор усадил репортера в мягкое кресло у журнального столика. Насколько Лина знала, Игорь Семенович очень редко снисходил до подобного обращения. А уж о том, что он кому-нибудь из них в рабочее время наливал коньяк, не ходило даже легенд.

– Большие боссы довольны, – доверительно сообщил редактор, пододвигая женщине блюдечко с нарезанным кру-

жочками лимоном. – Твой материал заходит на сотку. В сети вообще шум до потолка. Фотки – огонь. Инфу в пресс-службе дают, конечно, но у нас раньше выходит. Ты это, прям красава! Давай!

Игорь Семенович поднял пузатый бокал. Лина взяла свой, и редактор тотчас же, отсалютовав, опрокинул коньяк в широко раскрытый рот. Крякнув, забросил туда же кружок лимона вместе с кожурой. Журавлева сделала вид, что отпила. Было неуютно сидеть и выпивать с начальником.

– Ты вот скажи, кто у тебя в ментуре? Ну, чисто между нами, – подмигнул Игорь Семенович. – Да ты не волнуйся, я никому.

– У меня там очень хороший человек, – ушла от ответа Лина.

– Хахаль?

– Ну почему сразу хахаль?

– Значит, точно хахаль. Ладно. Меня это не касается. Можешь делать что хочешь, но чтобы... – Игорь Семенович поднял кверху толстый указательный палец, – чтобы материал сдавала не ниже. Чтобы прямо за душу хватало. Давай про жертв разузнай, кто чего. Такую плаксивую статейку надо, чтобы народ заколыхался. А потом еще фоток с покойницами. Сможешь?

– Про девушек, наверное, смогу выяснить. А вот с фотками посложнее. Это немного не от меня зависит.

– А вот это ты брось, – приказал Игорь Семенович. – Раз

начала крутить, то крути по полной! Все, давай. Иди работай.

Для Лины это был не первый материал об убийстве. Она делала хорошие репортажи на криминальную тему. И благодаря своим связям в полиции в том числе. Но эта серия...

Она отдавалась где-то глубоко внутри набатным тревожным звоном. Что-то на подсознательном уровне беспокоило Лину, как какая-то идея, которая никак не может оформиться в настоящую мысль. Свербело, покусывало душу, не давало покоя. Как будто была какая-то связь между убитыми девушками и Журавлевой. Но ни одну из них Лина не знала и не видела до того, как ей скинули фотографии трупов.

* * *

Слова из записки в блокноте убитой Мацкевич явно указывали на религиозность убийцы. «Или на то, что он хочет, чтобы мы так думали», – Кирилл не торопился делать однозначные выводы.

Игнатъич дал однозначное заключение – на блокноте нет никаких отпечатков пальцев, кроме отпечатков Мацкевич. Буквы записки выведены неровно, с разной степенью нажима.

– Скорее всего, – предположил эксперт, – надпись сделана после убийства. Видишь, вот здесь след от ручки перекрывает капельку крови?

– Ага, – кивнул Кирилл. – Что еще? Мы можем хоть что-то выцепить из этой бумажки?

– Сейчас немного. Но вот когда вы его возьмете, то полная графологическая экспертиза обязательно что-то выявит.

– Ну а другие следы? Он же не мог ничего не оставить?

– Конечно, оставил, как и в первом случае. На самом деле в квартире слишком много отпечатков. Сейчас мои ребята сверяют следы по обоим эпизодам.

– А кровь? Она же там вообще везде по комнате. Можно сотворить такое и не запачкаться?

– Однозначно нет, – мотнул головой Игнатьич. – Он должен был быть в крови. Но что ему могло помешать перед уходом умыться или сменить одежду? Думаю, на человека в крови обратили бы внимание.

– Значит, мы имеем дело с продуманным преступником. С подготовленным. И эти девушки – не случайный выбор.

– Вот тут, Кир Андреич, уволь. Делать такие выводы не по моей части.

* * *

Оперативники ничего сверхъестественного на убитую Мацкевич не нашли. Обычная девушка, обычная семья. Никаких пересечений с Лопатиной. Разве что в «Пеликане» вспомнили, что Лопатина вроде пару раз к ним заходила. Но это неудивительно, все-таки довольно популярное место.

– Извините, – окликнула Парфенова официантка «Пеликана», когда тот уже вышел из заведения.

– Да? Что-то вспомнили? – остановился Кирилл.

Девушка, на бейджке которой было написано «Оля», замялась. Майор не торопил, иногда свидетелям сложно что-то рассказать. Вечная моральная проблема – о покойниках либо хорошо, либо ничего.

– Давайте покурим? – сказала Оля, отводя полицейского за угол, в маленькую подворотню.

Кирилл чиркнул зажигалкой, девушка затянулась.

– Так что вы хотите мне рассказать?

– Ну я не знаю точно. – Она выпустила струю дыма в сторону. – Может, это неправда. Или вообще показалось.

– Что-то про Веронику? Нам важна любая мелочь.

– Короче, она иногда снималась.

– В кино?

– Да нет! Ну, мужиков цепляла. Не каждую смену, но бывало у нее такое. Зарплата у нас не такая уж большая. В основном с чаевых хорошо получается. А если клиенту улыбнешься там, разрешишь себя за попу погладить, – на щеках девушки выступил румянец, – тогда чаевые побольше. Ну а что такого? А Ника все время говорила, что подцепит себе папика и свалит из «Пеликана». Ну а кому охота всю жизнь с подносом бегать?

– И когда она в последний раз подцепила мужика?

– Да на той неделе. Но опять ничего серьезного. А больше

я ничего не знаю.

– Ну что ж. Спасибо, Оля. Думаю, это может пригодиться.

* * *

– Так что у нас не за что ухватиться. Ни следов, ни связи между убитыми, – подвел неутешительный итог совещания Парфенов.

– Да уж, чисто сработано, – сказал Город. – Нашел девчонку, пришел к ней домой, связал и убил.

– Ага, как по-написанному, – согласился Федор.

– Или по-отработанному! – Парфенов, ходивший по кабинету, резко остановился. – А почему мы считаем, что Лопатина – это жертва номер раз? Отработанные удары, ни одного явного следа присутствия в квартире. Он хладнокровно все за собой потер. Конечно! Конечно, где-то он должен был это уже делать.

– Где-то еще есть трупы? – оторвал взгляд от экрана смартфона Гриня.

– Ну а че нет? Это про Лопатину все знают, вот нам вторую и подкинули, – авторитетно рассуждал Егоров. – А если до Лопатиной что-то такое было, то это только по сводкам смотреть.

– Так, орлы, сводки за вами. Я с областниками свяжусь. Особое внимание на проституток, неопознанные тела, девушки, молодые женщины. Приметы – следы от порки и уду-

шение. Пока за год отсмотрите.

* * *

Парфенов ухватился за версию. Как говорили учебники по криминалистике, маньяки начинают свой путь с ошибок. Только везение помогает им на первых порах избежать разоблачения. Они совершают промахи, оставляют на месте преступления отпечатки пальцев, а иногда и какие-то личные вещи. Только с ростом количества эпизодов серийный убийца вырабатывает четкую последовательность действий. Своего рода ритуал. С каждым разом совершенствуясь.

Эти два убийства слишком хорошо организованы. Определенно у этого монстра за плечами есть что-то еще.

Кирилл сел за ноутбук, чтобы составить запрос в область. А потом следует встретиться с этой Журавлевой лично и заставить ее слить свой источник. Работать и знать, что каждый шаг может оказаться в статье какой-то там журналистки, напряжно и не нужно.

* * *

Редакция «Огней» располагалась на четырнадцатом этаже современного бизнес-центра. Огромные толстые окна, отличающиеся зеленым, минимум металла, шикарный вид на го-

родские улицы и ближайшие здания. Футуризм начала двадцать первого века.

Лина спустилась на лифте, прошла через огромный холл, кивнула на прощание охранникам центра. «Надо зайти в магазин, купить рыбы Славику», – подумала она, но потом вспомнила всю некрасивую сцену их расставания. Настроение моментально испортилось. Между бровей пролегла морщинка, а губы сжались. Снова захотелось заплакать, но не парковке же перед работой это делать?

– Лина Журавлева? – окликнул ее высокий мужчина с коротко стриженными темно-русыми волосами.

– Да. Чем-то могу помочь? – остановилась женщина.

– Очень на это надеюсь. Майор Парфенов, – представился Кирилл.

– Внимательно вас слушаю. – Лина сложила руки на груди.

– На самом деле это я хотел вас внимательно послушать. – Кирилл встал напротив.

– Я обычно пишу статьи, а не рассказываю истории. Или вам пересказать написанное?

– Мне бы узнать имя вашего соавтора, если можно его так назвать. Утечка информации может навредить следствию.

– По-моему, я не выдаю ничего из того, что потом не выдает ваша собственная пресс-служба. Просто я делаю это немного быстрее.

– И где-то берете фотографии с мест преступлений, которые наша собственная пресс-служба, – передразнил Парфе-

нов, – никогда бы распространять не стала.

– Это не преступление, – парировала Лина. – Если вы потрудились посмотреть, то заметили, что я не пускаю в печать слишком уж откровенные снимки.

– Я могу вас привлечь за препятствие следствию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.